

—
ЛАО СИ

ТАО-ТЕ-КИНГЪ

или

ПИСАНИЕ О НРАВСТВЕННОСТИ

НА ОТВ.

Подъ редакціей Л. Н. ТОЛСТОГО,

перевель съ китайскаго профессоръ университета въ Кіото

д. п. Конисси,

примѣчаніями снабдилъ

с. н. дурылинъ.

Москва—1913.

Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. Ленина

91521-Ч6

2007338513

Тип. Т/Д. «Печатное Дело», Москва, Газетн. 9.

Предисловіе переводчика.

Въ ноябрѣ 1895 г. Левъ Николаевичъ Толстой услышалъ, что мною переводится извѣстная книга „Тао-текингъ“ Лао-Си съ китайскаго на русскій языкъ и черезъ Н. Я. Грота пригласилъ меня къ себѣ. „Чтобы Россія имѣла лучшій переводъ, сказалъ онъ, я готовъ помочь вамъ въ дѣлѣ проверки точности перевода“. Съ великою радостью, конечно, я принялъ это любезное предложеніе Льва Николаевича. Я ходилъ къ нему съ переводомъ „Тао-текингъ“ въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ; Левъ Николаевичъ сравнивалъ его съ англійскимъ, нѣмецкимъ и французскимъ переводами и устанавливавъ тексты перевода той и другой главы. Такъ мой переводъ былъ конченъ и впервые напечатанъ на страницахъ журнала „Вопросы философіи и психологіи“.

Москва, 25-го февраля 1912 г.

Д. Конисси.

Въ основу перевода положенъ текстъ цѣннаго китайскаго изданія, хранящагося въ Румянцевскомъ музѣѣ въ Москвѣ, подъ № 40 китайскаго отдѣла. Переводчикъ пользовался также при своемъ трудѣ нѣсколькоими японскими изданіями трактата Лао-Си, а также текстомъ, изданнымъ St. Julien'омъ (Paris. 1842).

ТАО-ТЕ-НИНГЪ.

ИЛИ ПИСАНИЕ О НРАВСТВЕННОСТИ ЛАО-СИ.

ПЕРВАЯ КНИГА.

I.

Тао, которое должно быть действительнымъ, не есть обыкновенное Тао.

Имя, которое должно быть действительнымъ, не есть обыкновенное имя.

То, что не имѣетъ имени—есть начало неба и земли; то, что имѣетъ имя—есть мать всѣхъ вещей.

Вотъ почему свободный отъ всѣхъ страстей видитъ величественное проявленіе Тао, а находящійся подъ влияниемъ какой-нибудь страсти видитъ только незначительное его проявленіе.

Эти оба происходятъ изъ одного и того же начала, но только носятъ разное название.

Они называются непостижимыми.

Непостижимое изъ непостижимыхъ и есть ворота всего таинственнаго.

II.

Подъ небомъ всѣ (люди) знаютъ, что красивое есть красивое, но оно только безобразное.

Точно также всѣ знаютъ, что добро есть добро, но оно только зло.

Изъ бытія и небытія произошло все; изъ невозможного и возможнаго—исполненіе; изъ длиннаго и короткаго—форма.

Высокое подчиняетъ себѣ низшее; высшіе голоса вмѣстѣ съ низшими производятъ гармонію; предшествующее подчиняетъ себѣ послѣдующее.

Святой мужъ, будучи бездѣятельнымъ, распространяетъ свое ученіе. Вся тварь повинуется ему и никогда не откажется отъ исполненія его воли.

Онъ производить много, но ничего не имѣетъ; дѣлаетъ много, но не хвалится сдѣланнымъ; совершаетъ подвиги, но ихъ не приписываетъ себѣ.

Онъ нигдѣ не останавливается, поэтому ему не будетъ надобности удаляться туда, куда онъ не желаетъ.

III.

Чтобы не было ссоръ въ народѣ, нужно не уважать мудрецовъ.

Чтобы люди не сдѣлались ворами, нужно не придавать никакого значенія трудно добываемымъ (цѣннымъ) предметамъ, потому что когда люди не будутъ имѣть тѣхъ предметовъ, которые бы прельстили ихъ сердца, они никогда не соблазняются ими.

Отсюда, когда святой мужъ управляетъ страной, то сердце его пусто, а тѣло его полно; (онъ) ослабляетъ желанія и укрѣпляетъ (свои) кости.

Онъ старается, чтобы народъ былъ въ невѣжествѣ и бѣзъ страстей.

Также онъ старается, чтобы мудрые не смѣли сдѣлать чего-нибудь.

Когда всѣ сдѣлаются бездѣятельными, то (на землѣ) будетъ полное спокойствіе.

IV.

Тао пусто, но когда его употребляютъ, то, кажется, оно неистощимо.

О, какая глубина! Оно начало всѣхъ вещей.

Оно притупляетъ свое остріе, развязываетъ узлы, смягчаетъ блескъ и, наконецъ, соединяетъ между собою мельчайшія частицы.

О, какъ чисто! Оно существуетъ предвѣчно, но я не знаю, чей оно сынъ и предшествовало ли первому царю.

V.

Небо и земля не суть любвеобильныя существа. Они поступаютъ со всѣми вещами, какъ съ соломеною собакой.

Святой мужъ не любвеобиленъ: онъ поступаетъ съ земледѣльцами, какъ съ соломенной собакой.

Все, находящееся между небомъ и землей, похоже на кузнечный мѣхъ.

Онъ (кузнечный мѣхъ) пустъ, но неистощимъ: чѣмъ чаще надувается, тѣмъ больше выпускаетъ воздухъ.

Кто много говоритъ, тотъ часто терпитъ неудачу; потому лучше всего соблюдать средину.

VI.

Чистѣйшій духъ бессмертенъ. Онъ называется непостижимой матерью (самкой).

Ворота непостижимой матери—называются корнемъ неба и земли.

Онъ (т.-е. чистѣйшій духъ) будетъ существовать безъ конца.

Кто хочетъ пользоваться имъ, тотъ не устанетъ.

VII.

Небо и земля вѣчны.

Причина того, что небо и земля вѣчны, заключается въ томъ, что они существуютъ не для самихъ себя.

Вотъ почему они вѣчны.

Святой мужъ заботится о себѣ послѣ другихъ, поэтому онъ легко достигаетъ безопасности.

Онъ оставляетъ свое тѣло безъ всякой заботы, поэтому онъ будетъ жить долго.

Кто не заботится о себѣ, тотъ весьма удачно совершилъ и свое личное дѣло.

VIII.

Высшая добродѣтель похожа на воду.

Вода, давая всѣмъ существамъ обильную пользу, не сопротивляется ничему.

Она находится на томъ мѣстѣ, котораго люди не видятъ, поэтому она похожа на Тао.

Жить хорошо—для земли; сердце—для глубины; союзъ—для любви; слова—для довѣрія; управлениѣ—для благоденствія (страны); дѣла—для умѣнія; движеніе—для жизни.

Не ссорящійся не осуждается.

IX.

Чтобы посуда была наполнена чѣмъ-нибудь, нужно держать ее твердо (безъ малѣйшаго движенія) и ровно.

Чтобы лезвие наострилось, нужно долго продолжать натачиваніе.

Когда домъ наполненъ золотомъ и драгоценными камнями, то невозможно сохранить его въ цѣлости.

Кто достигнетъ чести и пріобрѣтетъ богатство, тотъ

сдѣлается гордымъ. Онъ легко забудеть, что существуетъ наказаніе (за преступленіе).

Когда дѣла увѣнчаются блестящимъ успѣхомъ и будетъ пріобрѣтено доброе имя, то лучше всего удалиться (въ уединеніе).

Вотъ это-то и есть небесное Tao (или естественное Tao).

X.

Душа имѣетъ единство, поэтому она не дѣлится (на части).

Кто вполнѣ духовенъ, тотъ бываетъ смиренъ, какъ младенецъ.

Кто свободенъ отъ всякаго рода знаній, тотъ никогда не будетъ болѣть.

Кто любитъ народъ и управляетъ имъ, тотъ долженъ быть бездѣятельнымъ.

Кто хочетъ открыть небесныя ворота, тотъ долженъ быть, какъ самка.

Кто дѣлаетъ видъ, что много знаетъ и ко всему способенъ, тотъ ничего не знаетъ и ни къ чему не способенъ.

Кто производитъ (вещь) и постоянно держитъ ее, тотъ ничего не имѣетъ.

Не хвалиться тѣмъ, что сдѣлано, не начальствовать надъ другими, превосходя ихъ, называется небесною добродѣтелью.

XI.

Тридцать спицъ соединяются въ одной ступицѣ (колесницы), но если онѣ недостаточны для пред назначенной цѣли, то ихъ можно употребить для другой (воза).

Изъ глины дѣлаютъ домашній сосудъ; но если она недостаточна для извѣстной цѣли, то годится для другой.

Связывая рамы и двери, устраиваютъ домъ; но если онъ недостаточны для этого, то изъ нихъ можно дѣлать домашнюю утварь.

Отсюда видно, что если вещь не годна для одной цѣли, то можно употребить ее для другой.

XII.

Пять цветовъ ослѣпляютъ человѣка.

Пять звуковъ оглушаютъ его.

Пять вкусовъ пресыщаютъ его.

Верховая гонка и охота одуряютъ душу (сердце) человѣка.

Стремленіе къ обладанію рѣдкими драгоцѣнностями влечетъ человѣка къ преступленію.

Отсюда святой мужъ дѣлаетъ исключительно внутреннее, а не для глазъ. Поэтому онъ удаляется отъ того и приближается къ этому.

XIII.

Почесть и позоръ отъ сильныхъ міра (для мудреца) одинаково странны.

Собственное тѣло тяготить его, какъ великое бремя.

Что значитъ: почесть и позоръ отъ сильныхъ міра одинаково странны (для мудреца)?

Почесть отъ сильныхъ міра — униженіе (для мудреца), поэтому, когда она достанется (ему), то (онъ) относится къ ней, какъ къ совершенно призрачной; когда она потеряется, то также къ ней относится, какъ къ презрѣнной.

Вотъ это-то и есть: къ почести и позору отъ сильныхъ міра относиться какъ къ призрачному.

Что значитъ: собственное тѣло тяготить его (мудреца), какъ великое бремя?

Я имѣю потому великую печаль, что имѣю тѣло. Когда я буду лишенъ тѣла, то не буду имѣть никакой печали.

Поэтому, когда мудрецъ боится управлять вселенной, то ему можно поручить ее; когда онъ сожалѣеть, что управляетъ вселенной, то ему можно отдать ее.

XIV.

Предметъ, на который мы смотримъ, но не видимъ, называется безцвѣтнымъ.

(Звукъ, который) мы слушаемъ, но не слышимъ—беззвуковымъ.

(Предметъ, который) мы хватаемъ, но не можемъ захватить—мельчайшимъ.

Эти три (предмета) неизслѣдимы, поэтому когда они смѣшаются между собой, то соединяются въ одно.

Верхъ не ясенъ, низъ не теменъ. О, бесконечное! Его нельзя назвать именемъ.

Оно существуетъ, но возвращается къ небытію.

Оно называется формою (или видомъ) безформенною.

Оно также называется неопредѣленнымъ.

Встрѣчаясь съ нимъ, не видать лица его, слѣдуя же за нимъ, не видать спины его.

Посредствомъ древняго Тао можно управлять жизнью настоящаго времени.

Изслѣдователь происхожденіе всего (или начало древности) называется нитью Тао.

XV.

Древніе, выдававшіеся надъ толпой, люди хорошо знали мельчайшее, чудесное и непостижимое.

Они глубоки,—постигнуть ихъ невозможно.

Они непостижимы, поэтому вѣшность ихъ была величественная.

О, какъ они медленны, подобно переходящимъ зимой черезъ рѣку!

О, какъ они нерѣшительны, подобно боящимся своихъ сосѣдей!

О, какъ они осанисты, подобно гостящимъ въ чужомъ домѣ!

О, какъ они осторожны, подобно ходящимъ на тающемъ льду!

О, какъ они просты, подобно необдѣланному дереву!

О, какъ они пусты, подобно пустой долинѣ!

О, какъ они мрачны, подобно мутной водѣ!

Кто сумѣеть остановить ихъ и сдѣлать ясными?

Кто же сумѣеть успокоить ихъ и продлить ихъ тихую жизнь?

Исполняющій Тао не желаетъ быть наполненнымъ.

Онъ же не удовлетворяется ничѣмъ, поэтому, довольствуясь старымъ и не обновляясь (душою), достигаетъ совершенства.

XVI.

Когда пустота будетъ доведена до послѣдняго предѣла, то будетъ глубочайшій покой.

Всякая вещь растетъ, въ чемъ я вижу возвращеніе (или круговоротъ).

Правда, вещи чрезвычайно разнообразны, но всѣ онѣ возвращаются къ своему началу.

Возвращеніе вещей къ своему началу и есть покой.

Покой и есть возвращеніе къ жизни.

Возвращеніе къ жизни и есть постоянство.

Знающій постоянство (или вѣчность) — мудрецъ.

Не знающій постоянства будетъ дѣйствовать по своему произволу, поэтому онъ призываетъ къ себѣ бѣду.

Знающій постоянство имѣть всеобъемлющую душу.

Имѣющій всеобъемлющую душу будетъ правосуденъ.

Правосудный будетъ царемъ.

Кто царь, тотъ соединяется съ Небомъ.

Кто соединенъ съ Небомъ, тотъ будетъ подобенъ Тао, которое существуетъ отъ вѣчности.

Тѣло его погибнетъ (умретъ, когда настанетъ время), но (духъ его) никогда не уничтожится.

XVII.

Существуетъ ли высочайшее бытіе, я не знаю; но можно (духомъ) приблизиться къ нему и воздавать ему хвалу, потомъ—бояться его, а затѣмъ—пренебрегать имъ.

Отъ недостатка вѣры происходитъ невѣrie.

О, какъ медленны слова, произносимыя съ вѣсомъ и со смысломъ!

Когда совершены заслуги и сдѣланы подвиги, то всѣ земледѣльцы скажутъ, что это достигнуто естественнымъ ходомъ вещей.

XVIII.

Когда великое Тао будетъ покинуто, то появится истинная человѣчность и справедливость.

Когда широко будетъ распространена мудрость, то появится великая печаль.

Когда шесть ближайшихъ родственниковъ находятся въ раздорѣ, то является почитаніе родителей и любовь къ дѣтямъ.

Когда въ государствѣ царитъ усобица, то являются вѣрные слуги.

XIX.

Когда оставлены святость и мудрость, то польза народа увеличится во сто разъ.

Когда оставлены человѣкоболюбіе и справедливость, то дѣти будутъ почитать своихъ родителей, а родители будутъ любить своихъ дѣтей.

Когда покинуты всякаго рода лукавство и выгоды, то воровъ не будетъ.

Одной только внѣшностью достигнуть этихъ трехъ (качествъ) невозможно. Для этого необходимо быть болѣе простымъ и менѣе способнымъ и безстрастнымъ.

XX.

Когда уничтожено будетъ ученіе, то печали не будетъ.

Какъ велика разница между простымъ и сложнымъ!

Какъ велика разница между добромъ и зломъ!

Необходимо бояться того, чего люди боятся.

О, дико! еще далеко до средины.

Многіе держать себя важно, словно получаютъ жертвенное мясо, словно весной восходятъ на башню.

О, какъ я простъ! Во мнѣ нѣтъ ничего опредѣленного, какъ въ младенцѣ, еще не достигшемъ дѣтства.

Я какъ будто несусь, но не знаю, куда и гдѣ остановлюсь.

Многіе люди богаты, но я ничего не имѣю, какъ будто все потерялъ.

Я простъ, какъ душа глупаго человѣка, но люди свѣта блестятъ.

Я одинъ теменъ, но люди свѣта просвѣщены.

Я одинъ страдаю душевно; волнуюсь, какъ море; блуждаю и не знаю, гдѣ остановиться.

Многіе люди дѣлаютъ то, къ чему способны, но я одинъ глупъ и мужиковатъ.

Я однѣнъ отличаюсь отъ другихъ тѣмъ, что люблю питьаться у матери.

XXI.

Высоконравственный повинуется только одному Тао.

Сущность Тао похожа на блескъ свѣта.

О, неуловимъ блескъ свѣта! но въ немъ есть изображеніе.

О, какъ онъ блеститъ! Онъ рѣшительно неуловимъ, но въ немъ есть вещество.

О, какъ призрачно и непостижимо (Тао)! Въ немъ есть сущность, которая достовѣрна.

Отъ древности до нынѣ имя (его) никогда не исчезало.

Я обозрѣлъ многія начала, но не знаю, отчего такія начала, а не иныхъ.

XXII.

Изъ несовершенного происходитъ цѣльное.

Изъ кривого—прямое.

Изъ углубленного—гладкое.

Изъ старого—новое.

Если немного, то легко пріобрѣсти, а если много, то легко запутаться.

Поэтому святой мужъ имѣеть только одно, но онъ сдѣлается примѣромъ для всего міра.

Онъ открыто не объявляетъ своихъ мыслей, поэтому онъ никогда не заблуждается (ясенъ).

Сынъ никогда не выставляетъ себя, поэтому онъ всегда извѣстенъ.

Онъ самъ никогда не воюетъ, поэтому имѣеть заслуги.

Ничѣмъ онъ не гордится, поэтому онъ превозносится.

Ни съ кѣмъ онъ не ссорится, поэтому вся вселенная никогда не сопротивляется ему.

Отсюда, высказанныя древними слова: „изъ несовершенного происходит совершенное; изъ кривого — прямое“ — можно ли назвать лживымъ изречениемъ?

XXIII.

Рѣдкія слова заключаютъ въ себѣ самыя достовѣрныя мысли.

Рѣдкія изреченія сами собою правдивы.

Утренній сильный вѣтеръ не продолжается до полудня; сильный дождь не продолжается цѣлый день.

Ни небо, ни земля вѣчно существовать не могутъ. Тѣмъ болѣе человѣкъ.

Живущій и поступающій по Тао равенъ ему; нравственный человѣкъ равенъ добродѣтели; потерявшій все равенъ потерѣ.

Тао любить находить равное себѣ; нравственный — равное себѣ; потерявшій — также равное себѣ.

Гдѣ вѣра слаба, тамъ не будетъ вѣры.

XXIV.

Сухоногій не можетъ встать.

Сидящій не можетъ ходить.

Кто думаетъ, что постигъ все, тотъ ничего не знаетъ.

Кто доволенъ самимъ собою, тотъ не можетъ прославиться.

Кто хвастается, тотъ не можетъ имѣть заслуги.

Кто гордъ, тотъ не можетъ возвыситься.

Такие люди, съ точки зре́ния Тао, называются питаю-
щимися излишествомъ и творящими напрасное. Поэтому,
когда они находятъ Тао, то оставаться въ немъ рѣши-
тельно не могутъ.

XXV.

Вещество произошло изъ хаоса.

Есть бытіе, которое существуетъ раньше, нежели небо
и земля.

Оно недвижимо, безтѣлесно, самобытно и не знаетъ
переворота.

Оно идетъ, совершая бесконечный кругъ, и не знаетъ
предѣла.

Оно одно только можетъ быть матерью (самкой) неба и
земли.

Я не знаю его имени, но (люди) называютъ его Тао.

Могущество его называется величіемъ; величіе его—
безграничнымъ; безграничное—бесконечнымъ; бесконечное—
возвращеніемъ.

Тао велико, небо велико, земля велика и, наконецъ,
царь великъ.

Итакъ, въ мірѣ существуютъ четыре величія, одно изъ
которыхъ составляетъ царь.

Земля несетъ людей; небо несетъ землю; Тао несетъ
небо и, наконецъ, естественность несетъ Тао.

XXVI.

Тяжелое лежитъ въ основаніи легкаго.

Тишина господствуетъ надъ движениемъ.

Хотя мудрецъ бываетъ занятъ цѣлый день, но отно-
сится къ своимъ дѣламъ внимательно и съ большей осто-
рожностью.

Хотя ему будетъ слава и виѣшнее великолѣпіе, но онъ никогда не прельстится ими, ибо онъ стоитъ выше ихъ.

Что случится съ тѣмъ царемъ, который, имѣя десять тысячъ колесницъ, презираетъ заботу о своей странѣ и думаетъ только о своемъ удовольствії?

Презирающій заботу о своей странѣ потеряетъ лучшихъ слугъ—опору государства.

Гдѣ легкомысленное движение въ народѣ, тамъ царь легко упразднится.

XXVII.

Нравственный человѣкъ не оставляетъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ.

Краснорѣчивый не сдѣлаетъ ошибки въ своихъ рѣчахъ.

Побѣдоносный полководецъ не употребляетъ никакой хитрости.

Если что крѣпко заперто, то (оно), хотя и безъ замковъ, не отпирается.

Если что крѣпко связано, то (оно), хотя и безъ замысловатыхъ узловъ, не развязывается.

Мудрецы спасаютъ погибающихъ и не оставляютъ нуждающихся въ чемъ-нибудь безъ помощи. Они всегда очень бережно сохраняютъ вещи и не выкидываютъ ихъ.

Это называется двойнымъ просвѣщеніемъ.

Отсюда, нравственный человѣкъ есть учитель (или руководитель) безнравственныхъ; безнравственные люди суть орудіе нравственнаго.

Кто не уважаетъ своего учителя и кто не любить своего орудія, тотъ, хотя умень, очень заблуждается.

Это называется важнымъ отступленіемъ отъ Тао.

XXVIII.

Тотъ, кто знаетъ свою силу и сохраняетъ свою славость, сдѣлается долиной вселенной.

Когда онъ будетъ долиной вселенной, то въ немъ будетъ пребывать вѣчная добродѣтель.

Человѣкъ вторично возвращается въ состояніе младенца (Tao).

Кто знаетъ глубину своего просвѣщенія и остается въ невѣжествѣ, тотъ сдѣлается примѣромъ всего міра.

Кто будетъ примѣромъ всего міра, тотъ не измѣнить вѣчной добродѣтели и возвратится къ совершенству (Tao); онъ познаетъ славу Его.

Находясь въ презрѣніи, онъ сдѣлается долиной вселенной.

Кто—долина вселенной, тотъ будетъ доволенъ только добродѣтѣлью и возвратится въ совершенную простоту.

Когда эта простота будетъ удалена, то изъ него выйдетъ превосходный сосудъ.

Если святой мужъ употребить его, то сдѣлается начальникомъ.

Вотъ почему великое установленіе никогда не уничтожится.

XXIX.

Кто дѣйствуетъ, сильно желая завладѣть вселенной, тотъ никогда не достигнетъ желаемаго, потому что вселенная есть божественное орудіе, поэтому распоряжаться ея судбою никто не въ правѣ.

Отсюда, кто покушается на это, тотъ нарушаетъ порядокъ міра; кто хочетъ завладѣть имъ, тотъ немедленно потеряетъ его.

Вообще вещи идутъ впередъ или назадъ; воюютъ или дуютъ; сильны или слабы; несутся или же останавливаются на одномъ мѣстѣ.

Поэтому, мудрецъ избѣгаетъ всякой крайности, роскоши и великолѣпія.

XXX.

Кто помогаетъ царю по Тао, тотъ не будетъ заботиться о процвѣтаніи страны посредствомъ военной силы: что бы вы ни сдѣлали людямъ, они тѣмъ же воздадутъ вамъ.

Гдѣ войско стоитъ, тамъ будетъ расти колючая трава (вмѣсто хлѣба).

Послѣ великой войны бываетъ неурожайный годъ.

Отсюда, когда нравственный человѣкъ управляетъ (страной), то никогда не прибѣгаетъ къ грубой силѣ, не ищетъ тщеславія, не воюетъ, не гордится ничѣмъ, не останавливается нигдѣ и не усиливается.

Когда вещь дойдетъ до полноты своего развитія, то она ослабѣетъ и дряхлѣетъ.

То, что не Тао, быстро уничтожается.

XXXI. V

⁴ Благоустроенное войско есть нечестивое орудіе, есть предметъ, по своему существу, злой.

Мудрецъ предпочитаетъ лѣвую сторону правой, ибо употребляющіе войско предпочитаютъ правую сторону лѣвой.

Войско есть нечестивое орудіе, поэтому оно не можетъ быть орудіемъ для (истинно) мудрыхъ. Отсюда, оно и употребляется только въ неизбѣжныхъ случаяхъ.

Хотя война ставитьъ, быть можетъ, цѣлью спокойствіе, но она несомнѣнное зло.

Еслибъ она была добро, то нужно было бы радоваться ей, но радуется ей лишь любящій убивать людей.

Любящій убивать людей не можетъ осуществить свой добрый замыселъ въ мірѣ.

При добромъ дѣлѣ лѣвая сторона предпочтается правой, а при бѣдѣ—правая лѣвой.

Подчиненные вожди останавливаются на лѣвой сторонѣ, а начальствующіе на правой.

Когда сдѣлается известной победа, то слѣдуетъ встрѣтить эту вѣсть съ траурнымъ обрядомъ, ибо на войнѣ очень многіе погибаютъ.

Такъ какъ на войнѣ очень многіе погибаютъ, то слѣдуетъ оплакивать войну.

Когда война окончится победою, слѣдуетъ объявить всеобщій трауръ.

XXXII.

Вѣчное Тао не имѣть имени.

Оно незначительно, какъ щепка, но міръ не можетъ подчинить его себѣ.

Когда цари и князья заботятся о защитѣ (своей страны), то сама природа сдѣлается помощницей ихъ.

Когда небо совокупляется съ землей, то спускается роса на землю, чего человѣкъ не въ состояніи устроить.

Когда Тао раздѣлилось на части, то получило имя.

Если имя известно, то нужно воздерживаться.

(Каждому) слѣдуетъ знать, гдѣ ему нужно оставаться.

Кто соблюдаетъ во всемъ воздержаніе, тотъ не будетъ знать (нравственнаго) паденія.

Это—Тао, которое существуетъ во всей вселенной.

XXXIII.

Знающій людей разуменъ, а знающій себя самого прозорливъ.

Побѣждающій другихъ силенъ, а побѣждающій самого себя могущественъ.

Довольствующійся самимъ собой—богачъ.

Твердый въ своихъ дѣйствіяхъ имѣеть твердую волю.

Не отступающій отъ своего назначенія долговѣченъ.

Неуничтожимый послѣ смерти вѣченъ.

XXXIV.

О, безпредѣльно великое Tao!

Оно справа и слѣва.

Вся тварь появилась на свѣтѣ благодаря ему; оно не отталкиваетъ ея отъ себя.

Заслуги Tao велики, но оно ими не хвалится.

Оно промышляетъ о всѣхъ вещахъ съ любовью, но не желаетъ быть господиномъ ихъ.

Такъ какъ оно не имѣетъ никакой страсти, то оно называется ничтожнымъ.

Его можно назвать маленькимъ, ибо мельчайшая вещь возвращается въ него.

Всѣ существа подчиняются ему, но оно не считаетъ себя господиномъ ихъ; поэтому его можно назвать великимъ.

Мудреца нельзя назвать великимъ, хотя онъ совершаетъ великия дѣла.

Причина того, что святой легко достигаетъ величія, заключается въ томъ, что онъ не величаетъ самого себя.

XXXV.

(Святой) беретъ великаго слона и идетъ по всому міру.
Ходить, но не дѣлаетъ никакого вреда.

Отъ удовольствія, спокойствія, тишины и величія даетъ
ему (міру) пищу.

Проходящій пришелецъ остановился. Когда онъ говорить
о Тао, то какъ просты его слова! (Когда) они произнесены,
(то бывають) безъ всякаго вкуса.

(Люди) смотрять на него (Тао), но не видятъ; они слу-
шаютъ его, но не слышать; они употребляютъ его, но оно
не истощается.

XXXVI.

То, что сжимается—расширяется.

То, что ослабѣваетъ—усиливается.

То, что уничтожается—возстановляется.

То, что лишается всего—имѣло все.

Все это называется то скрытымъ, то яснымъ.

Мягкое побѣждаетъ твердое, слабое—сильное.

Какъ рыба не можетъ покинуть глубины, такъ страна
не можетъ оставаться безъ орудія.

Сильное орудіе правленія не должно быть показываемо
народу.

XXXVII.

Тао ничего не дѣлаетъ, но нѣть того, чего бы оно не
сдѣлало.

Если царь и князья хорошо будутъ управлять страной,
то всѣ существа преобразуются такъ, какъ они желаютъ.

Если всѣ существа придутъ въ сильное движение, то удержу ихъ посредствомъ безыменной простоты.

Безыменная простота не имѣетъ страсти.

Когда (въ мірѣ) не будетъ страстей, то будетъ спокойствие повсемѣстное и на всей землѣ будетъ правда.

ВТОРАЯ КНИГА.

XXXVIII.

Люди высшей нравственности не считаютъ себя нравственными; поэтому они имѣютъ высшую нравственность.

Люди низшей нравственности не въ состояніи потерять свою нравственность, и поэтому безнравственны.

Люди высшей нравственности, находясь въ бездѣятельности, не дѣлаютъ ничего.

Люди низшей нравственности дѣлаютъ то, что дѣлаютъ.

Люди высшаго человѣколюбія, находясь въ бездѣятельности, совершаютъ дѣла, но не признаютъ ихъ (за свои).

Люди высшей справедливости дѣлаютъ то, что дѣлаютъ.

Люди высшей почтительности уважаютъ другихъ, но другіе не уважаютъ ихъ, поэтому они принуждаютъ ихъ къ почтенію.

Отсюда, когда потеряно Тао, то является нравственность; когда нравственность забыта, то является человѣколюбіе; когда справедливость покинута, то является почтительность.

Вотъ почему почтительность есть послѣдствіе ослабленія вѣрности и преданности (господину) и начало всякаго рода беспорядковъ въ странѣ.

Поэтому великий человекъ держится существенного и оставляетъ ничтожное. Онъ все дѣлаетъ по правдѣ, но никогда не будетъ опираться на законы.

Берите первое и бросьте послѣднее.

XXXIX.

Въ древности всякое существо достигало единства.

Небо, достигши единства, стало чистымъ.

Земля, достигши единства, стала спокойной.

Духъ, достигши единства, сталъ разумнымъ.

Долина, достигши единства, стала полной.

Всякая вещь, достигши единства, стала существовать.

Цари и князья, достигши единства, стали образцами для міра.

Все это было достигнуто благодаря единству.

Достиженіе единства во всемъ этомъ одно и то же.

Если бы небо было не чисто, то казалось бы, что оно боится взрыва.

Если бы земля потеряла спокойствіе, то она бы
въ опасности разрушенія.

Если бы духъ лишился разумности, то онъ потерялъ бы
(свойство) быть духомъ.

Если бы пустота долины наполнилась чѣмъ-нибудь, то
она перестала бы быть долиной.

Всякая вещь, если бы перестала расти, уничтожи-
лась бы.

Если бы цари и князья потеряли вѣрность и предан-
ность (своихъ подданныхъ), то были бы свергнуты.

Отсюда благородные люди смотрятъ на неблагородныхъ,
какъ на свое начало; высшіе смотрятъ на низшихъ, какъ
на свое основаніе.

Цари и князья заботятся о бѣдныхъ сиротахъ и вдовахъ. Этимъ же они могли бы свидѣтельствовать о своемъ происхожденіи.

Ужели это неправда?

Если разобрать телъгу по частямъ, то не останется телъги.

Я не желаю быть гордымъ, какъ драгоценный камень.

Также я не желаю быть презираемымъ, какъ дикий камень.

XL.

Движеніе Тао происходитъ отъ сопротивленія (всему вещественному).

Слабость есть отличительная черта дѣйствія Тао.

Всѣ вещи произошли отъ бытія (что), и бытіе отъ небытія (ничто).

XLI.

Когда ученый услышитъ о Тао, то будетъ стараться осуществить услышанное (въ жизни).

Когда человѣкъ средней руки услышитъ о Тао, то не будетъ соблюдать его до конца жизни.

Когда мало ученый услышитъ о Тао, то онъ будетъ глумиться надъ нимъ.

Если бы надъ нимъ не глумились, то оно и не заслужило бы имени Тао. Поэтому сказано слѣдующее:

Тотъ, кто разумѣетъ очевидное Тао, кажется облеченымъ мракомъ; тотъ, кто идетъ впередъ, держась Тао, кажется идущимъ назадъ; тотъ, кто на высотѣ Тао, кажется обыкновеннымъ смертнымъ.

Человѣкъ высшей добродѣтели похожъ на долину.

Человѣкъ высшей чистоты похожъ на презираемаго.

Человѣкъ высшей нравственности похожъ на беспомощнаго.

Совершающій добродѣтель похожъ на вора.

✓ Испытывающій правду похожъ на похищающаго вещи.

У большого четыреугольника не видно угловъ.

Большой сосудъ не скоро дѣлается.

✓ Самый громкій голосъ не слышенъ.

Большое изображеніе не имѣеть никакой формы.

Тао скрыто отъ насть, поэтому оно не имѣеть имени.

Оно снабжаетъ всѣ существа (силой) и ведетъ ихъ къ усовершенствованію.

XLII.

Тао произвело одно, одно—два, два—три, а три — всѣ вещи.

Всякая вещь носитъ на себѣ и нѣ и заключаетъ въ себѣ я нѣ.

Находящійся въ изступленномъ состояніи легко умировляется.

Люди ненавидятъ тѣхъ, которые оставляютъ сиротъ и бѣдняковъ безъ помоши. Поэтому умные цари и князья помогаютъ сиротамъ и бѣднякамъ; они же сдѣлаются предметомъ похвалы (народа).

Потеря есть начало размноженія, множество—начало потери.

Чему другіе учили и учатъ по справедливости, тому и я учу людей.

Очень сильный не умираетъ естественною смертью.

Я сдѣлаюсь отцомъ ученія.

XLIII.

Миръ смиренъ: всѣ люди ѿдятъ и бѣгаютъ надъ его твердынею.

Небытіе поглощается безпромежуточнымъ.

Поэтому я знаю, что бездѣятельность имѣеть высокое достоинство.

Безсловесное ученіе и бездѣятельность полезнѣе всего существующаго между небомъ и землей.

XLIV.

Что ближе къ себѣ: свое имя или собственное тѣло?

Что больше: свое тѣло или богатство?

Что тяжелѣе испытать: пріобрѣтеніе или потерю?

Кто увлекается, тотъ потерпитъ большой убытокъ.

Кто имѣеть много, тотъ можетъ потерять больше, не-
жели имѣющій мало.

Кто знаетъ, чѣмъ человѣкъ долженъ быть довольнымъ,
тотъ никогда не потерпитъ позора.

Кто, зная границы своей дѣятельности, не приблизится
къ опасностямъ, тотъ будетъ жить долго.

XLV.

Великое совершенство похоже на несовершенство, но
оно неистощимо (хотя беспрестанно употребляется).

Великая полнота похожа на пустоту, но польза ея не-
измѣрима.

Великая прямота кажется непрямой.

Великій мастеръ кажется тупымъ.

Великій ораторъ кажется заикающимся.

Когда бѣготня преодолѣваетъ (тишину), то бываетъ холодно; когда тишина преодолѣваетъ бѣготню, то бываетъ тепло.

Полная тишина есть примѣръ всего міра.

XLVI.

Когда во всемъ мірѣ соблюдается Тао, то быстрые кони забудутся и вся нива будетъ обрабатываться.

Когда на всей землѣ не соблюдается Тао, то военные кони будутъ рости въ окрестностяхъ города.

Нѣтъ грѣха тяжелѣе страстей.

Нѣтъ бѣды тяжелѣе незнанія удовлетворенія.

Нѣтъ преступленія тяжелѣе жаднаго хотѣнія пріобрѣсти много.

Вотъ почему знающій мѣру бываетъ доволенъ своимъ положеніемъ.

XLVII.

Не выходя изъ дома, (мудрецы) знаютъ, что дѣлается на свѣтѣ.

Не глядя въ окно, они видятъ Небесное Тао.

Чѣмъ больше удаляешься отъ дома, тѣмъ меньше знаешь. Поэтому, святые (мудрецы) достигаютъ знанія, не выходя никуда; не видя предмета, они знаютъ название его.

Не дѣлая ничего, они совершаютъ много.

XLVIII.

Ученіе прибавляется со дня на день, но Тао теряется со дня на день.

Эта потеря увеличится и дойдетъ до желанія недѣланія.

Когда человѣкъ дойдетъ до недѣланія, то нѣтъ того, чего бы не было сдѣлано.

Если въ мірѣ все въ порядкѣ, то слѣдуетъ завладѣть имъ, но если нѣтъ, то не слѣдуетъ.

XLIX.

Святые люди не имѣютъ опредѣленнаго (чувства), ибо они принимаютъ чувство простолюдина, какъ свое.

— Добрыхъ людей я принимаю уже по тому одному, что они добры. Злыхъ принимаю, какъ добрыхъ.

Искреннимъ людямъ я вѣрю; также и вѣрю неискреннимъ, ибо въ этомъ и состоитъ верхъ искренности.

— Когда святые живутъ на землѣ, то они прости и тихи; они питаются ко всѣмъ одинаковое чувство.

Для (блага) міра они дѣлаютъ свои сердца темными. Простые люди будутъ смотрѣть на нихъ (какъ на своихъ учителей) и будутъ слушать сказаніе о ихъ дѣлахъ.

Святые смотрятъ на народъ, какъ на младенца.

L.

(Всѣ существа), уходя изъ жизни, входятъ въ смерть.

Жизнь имѣетъ 13 ступеней своего развитія; смерть также имѣетъ 13 ступеней.

Ступеней человѣческой жизни, которая постоянно стремится къ смерти, опять 13.

Это почему? Потому что стремленіе къ жизни слишкомъ сильно.

Я слышалъ, что ведущій воздержанную жизнь не боится ни носорога, ни тигра, ни быть на полѣ сраженія безъ воинскаго наряда, ибо на немъ нѣтъ мѣста, куда носорогъ

могъ бы ударить рогомъ, тигръ могъ бы вонзить свои острыя когти и воинъ могъ бы нанести ударъ мечемъ.

Это почему? Потому что для ведущаго жизнь воздержанную не существуетъ смерти.

L1.

Тао производитъ существа, добродѣтель кормить ихъ; они даютъ имъ вещественную форму, а могущество ихъ совершенствуетъ вещи.

Поэтому всѣ существа почитаютъ Тао и добродѣтель.

Никто не сообщалъ Тао его достоинства, а добродѣтели—ея цѣнности: но они сами собой вѣчно обладаютъ ими.

Поэтому Тао производитъ вещи, питаетъ ихъ, даетъ имъ рости, совершенствуетъ, дѣлаетъ зрѣлыми, кормить и защищаетъ.

Оно производитъ ихъ и не дѣлаетъ ихъ своими; дѣлаетъ ихъ тѣмъ, что они есть, и не хвалится ими; оно царствуетъ надъ ними и оставляетъ ихъ свободными.

Вотъ что называютъ глубокой добродѣтелью.

LII.

Вселенная имѣеть начало, которое и есть мать всего міра. По матери можно знать ея сына.

Когда сынъ извѣстенъ, то и мать будетъ сохранена невредимо.

Хотя тѣло умираетъ, но (сущность его) никогда не уничтожается.

Кто закрываетъ уши и глаза, тотъ останется безъ употребленія во всю жизнь.

Кто прислушивается ко всему изящному и старается удовлетворить страсти, тотъ никогда не спасется.

Могущій разбить мельчайшія вещи, называется ясновидцемъ.

Сохраняющій мягкость называется могущественнымъ.

Употребляющій свѣтъ называется блестящимъ.

Тѣло истлѣваетъ, не оставляя ничего послѣ себя. Это и есть наслѣдіе вѣчности.

LIII.

Я беззаботенъ, но имѣю умъ, поэтому живу о великомъ Тао.

Я раздаю милостыню въ великомъ страхѣ.

Большая дорога (Тао) гладка и ровна, но люди любятъ ходить по тропинкамъ.

Когда правительство перестанетъ заботиться о благосостояніи народа, то поля опустѣютъ и государственное хлѣбохранилище не наполнится никогда; люди будутъ надѣвать на себя разноцвѣтныя одежды, носить острые мечи и питаться изысканными блюдами.

Все это совокупно называется разбойничьею гордостью.

Ужели это есть Тао?!

LIV.

Крѣпко стоящаго нельзя вынуть.

Хорошо связанного нельзя развязать.

Дни кончины предковъ празднуются потомками. Кто совершаєтъ это для самаго себя, тотъ дѣлаетъ добро только для одного себя; кто совершаетъ это для своего дома, тотъ дѣлаетъ добро для своего дома; кто совершаетъ это для своей деревни, тотъ будетъ начальникомъ въ ней; кто совершаетъ это для своей страны, тотъ дѣлаетъ добро для страны; кто совершаетъ это для всего міра, тотъ дѣлаетъ добро для всего міра.

Я изучаю тѣло по тѣлу, домъ—по дому, деревню—по деревнѣ, страну—по странѣ и, наконецъ, весь міръ—по всему міру.

Но могу ли я знать, почему вселенная такая, а не иная?

LV.

Достигшій нравственного совершенства похожъ на младенца.

Вредоносныя насѣкомыя не укусятъ его; дикие звѣри не сдѣлаютъ ему вреда; хищныя птицы не волпются въ него своими когтями.

Хотя у него кости мягки и мышцы слабы, но онъ будеть держать предметъ очень крѣпко.

Хотя онъ не знаетъ, какъ совокупляется самецъ съ самкою и какъ образуется зачатокъ во чревѣ, но ему известно до подробности все, что совершается въ мірѣ.

Хотя онъ кричитъ цѣлый день, но голосъ его никогда не ослабѣетъ, ибо въ немъ (голосѣ) существуетъ полнѣйшая гармонія.

Знаніе гармоніи называется постоянствомъ.

Знаніе постоянства называется очевидностью.

• Творить пріятное только для плоти называется нечистотою.

Душа, могущая господствовать надъ своимъ настроениемъ, есть сильная (душа).

• Вообще, цвѣтущее отцвѣтаетъ, ибо въ немъ нѣть Тао.

Гдѣ нѣть Тао, тамъ скоро наступить конецъ.

LVI.

— Знающій много молчаливъ, а говорящій много не знаетъ ничего.

Тао закрываетъ свои глаза, затворяетъ ворота, ослаб-

ляетъ остріе, развязываетъ узлы, смягчаетъ свѣтъ, собираетъ мелочь.

Это называется непостижимымъ единствомъ.

Сродниться съ Тао невозможно; пренебрегать имъ нельзя; воспользоваться имъ непозволительно; повредить ему никто не можетъ; чтить его нѣтъ основанія; презирать его также нѣтъ причины.

Отсюда видно, что Тао благороднѣе всего существующаго въ мірѣ.

LVII.

Безъ справедливости нельзя управлять страной.

Для того, чтобы вести войну успешно, необходима ловкость.

Когда въ странѣ нѣтъ (еще) беспорядка, (тогда) слѣдуетъ имъ овладѣть.

Какъ я могу постигнуть, почему въ мірѣ такой порядокъ, а не иной?

Когда въ странѣ много такого, что должно быть уничтожено, народъ обѣднѣетъ.

Когда въ странѣ много удобныхъ машинъ, то народъ перестаетъ работать.

Когда въ народѣ много искусственныхъ мастеровъ, то увеличится число чудовищныхъ вещей.

Когда въ государствѣ много законовъ и постановлений, то число преступниковъ увеличится.

Отсюда учить и святой: „когда я ничего не дѣлаю (т.-е. не предпринимаю ничего нового), то народъ дѣлается лучше; когда я спокоенъ, то народъ дѣлается справедливъ; когда я не предпринимаю ничего нового, то народъ обогащается; когда во мнѣ не будетъ никакой страсти, то народъ сдѣлается простодушнымъ“.

LVIII.

Когда не будетъ мелочности въ управлениі государствомъ, то народъ обогатится. А когда управлениe государствомъ мелочно, то народъ обѣднѣеть.

О, бѣда! Гдѣ благо, тамъ и несчастіе.

О, благо! Гдѣ бѣда, тамъ и счастіе.

Но я не знаю, гдѣ оканчивается бѣда и гдѣ начинается счастіе.

Гдѣ нѣтъ правды, тамъ люди будутъ относиться къ правдѣ, какъ къ чему-то странному,—къ добру, какъ къ призрачному.

Издавна люди находятся въ заблужденіи, поэтому святой мужъ никогда не сдѣлаетъ имъ уступки.

Онъ не корыстолюбивъ, но ничего не раздаетъ имъ.

Онъ — праведникъ, поэтому онъ ничего не сдѣлаетъ своевольно.

Хотя онъ—свѣтило для всего міра, но не любить блеска.

LIX.

Для того, чтобы служить небу и управлять людьми, всего лучше соблюдать воздержаніе.

Воздержаніе—это первая ступень добродѣтели, которая и есть начало нравственнаго совершенства.

Человѣкъ высокой нравственности преодолѣсть всякую трудность.

Глубина и могущество силы преодолѣвшаго всякую трудность неизмѣримы.

Онъ можетъ быть владыкою міра.

Владыка міра и есть мать вселенной.

Мать вселенной будетъ жить вѣчно, ибо она имѣеть глубокий корень и крѣпкое основаніе.

LX.

Управлениe великой страной напоминаетъ приготовление вкуснаго блюда изъ мелкихъ рыбъ.

Когда святой мужъ будетъ управлять страною, то злой духъ перестанетъ быть богомъ.

Это, впрочемъ, не значитъ, что злой духъ перестанетъ быть богомъ (или духомъ),—но люди не будутъ терпѣть вреда отъ него.

Святой мужъ никому не сдѣлаетъ вреда и никто не повредитъ ему.

Поэтому нравственность святого мужа все болѣе и болѣе усовершенствуется.

LXI.

Великая страна похожа на устье рѣки.

Совокупленіе вселенной есть начало всего міра.

— Самка всегда побѣждаетъ самца потому, что она тиха, и спокойно стоитъ ниже самца.

Когда большая страна стоитъ ниже маленькой, то первая завладѣеть послѣдней.

Когда маленькая страна стоитъ ниже бѣльшой, то первая завладѣеть послѣдней.

Отсюда видно, что стоящая ниже другихъ страна будетъ владычествовать надъ всѣми другими.

Что такое большая страна и маленькая?

Большая страна—вмѣстилище многихъ народовъ, а маленькая—вмѣстилище немногихъ.

Если правитель страны будетъ стоять ниже другихъ, то онъ осуществить свой добрый замыселъ.

Отсюда ясно, что желающій быть великимъ долженъ быть ниже всѣхъ.

LXII.

Тао есть глубина бытія. Оно и есть сокровище добрыхъ людей,

Оно также и есть то, что держать злые люди.

Изыщныя слова могутъ быть куплены цѣною.

Добрые поступки могутъ быть совершаемы всѣми.

Хотя люди злы, но нельзя совсѣмъ бросить ихъ.

Выбираютъ царя и трехъ великихъ сановниковъ. Имея въ рукахъ драгоценный камень, они разъѣзжаютъ въ колесницахъ, но это безконечно хуже, нежели проповѣдывать Тао, сидя на одномъ мѣстѣ.

Въ чемъ заключается причина того, что въ древности Тао глубоко уважалось?

Не въ томъ ли заключается, что благодаря Тао, прощались преступники?

Оттого, быть можетъ, въ древности Тао почтaloсь во всемъ мірѣ.

LXIII.

Всѣ должны быть бездѣятельными.

Всѣмъ слѣдуетъ соблюдать полное спокойствие.

Всѣ должны употреблять простѣйшую пищу.

— Великое есть малое, многое — не многое.

— Ненавидящимъ васъ отмстите добромъ.

Когда вы благополучны, то подумайте, что нужно предпринять во время бѣды, такъ какъ великая бѣда начинается съ незначительной.

Бѣда всего міра происходитъ изъ мелочи, какъ великое дѣло — изъ малыхъ.

Святой мужъ не желаетъ быть великимъ міра, поэтому и совершаетъ великое дѣло.

— Легко достигнутое согласіе не заслуживаетъ довѣрія.

Гдѣ много легкихъ дѣлъ, тамъ много и трудныхъ.

Вотъ почему святой мужъ всегда живеть какъ въ бѣдѣ, поэтому для него не существуетъ бѣды.

LXIV. 4

Не трудно держать легкую вещь.

Легко предотвратить (бѣду) до полнаго обнаруженія.

Слабаго легко разбить, мелкаго легко разсѣять.

— Слѣдуетъ устраивать защиту тогда, когда еще нѣтъ (въ томъ) надобности (т.-е. нѣтъ враговъ).

Слѣдуетъ заботиться о спокойствіи страны тогда, когда еще въ ней все въ порядкѣ.

Дерево, которое нельзя обнять руками (т.-е. большое), выросло изъ маленькаго.

Девятиэтажная башня созидается изъ клочковъ земли.

Чтобы пройти тысячу верстъ, нужно начать ходьбу съ одного шага.

— Кто можетъ создать, тотъ можетъ и разрушить.

Имѣющій можетъ потерять.

Святой мужъ ничего не создаетъ, поэтому ничего не разрушаетъ; онъ ничего не имѣетъ, поэтому ничего не потеряетъ.

— Кто, предпринимая дѣло, спѣшить наскоро достигнуть результата, тотъ ничего не сдѣлаетъ.

Кто осторожно оканчиваетъ свое дѣло, какъ началъ, тотъ не потерпитъ неудачи.

— Поэтому святой мужъ всегда старается быть безпри-
страстнымъ, не придавать цѣнности трудно-добываемымъ
вещамъ и не слушать бесплоднаго ученія.

Онъ повторяетъ то, что дѣлалось многими.
Онъ будетъ стараться, чтобы пособить естественному теченію вещей, но ни въ какомъ случаѣ не препятствовать ему.

LXV.

Въ древности исполнявшіе Тао не старались просвѣтить народъ: они держали его въ невѣжествѣ.

Причина того, что трудно управлять народомъ, заключается въ томъ, что народъ просвѣщается и въ немъ много умныхъ.

Когда страна управляется безъ всякаго умствованія, то въ ней будетъ благоденствіе.

Знающій (сущность) этихъ двухъ пунктовъ будетъ образцомъ нравственной жизни (для народа). Его будутъ называть (человѣкомъ) непостижимой добродѣтели.

О, глубока и непостижима нравственность!

Она противоположна, по своему существу, всему вещественному, но никогда не сопротивляется ничему.

Она соблюдаетъ великое послушаніе.

LXVI.

Причина того, что рѣки и моря суть цари многочисленныхъ долинъ (по которымъ текутъ рѣчки), заключается въ томъ, что первыя находятся ниже послѣднихъ.

Вотъ почему рѣки и моря суть цари многочисленныхъ долинъ.

Когда святой желаетъ поднять народъ, то понижаетъ его. Когда онъ желаетъ поставить его впередъ, то ставить его назадъ.

Отсюда, когда народъ займетъ высокое мѣсто, то не

будеть гордиться; когда идеть впередъ, то никому не сдѣлаетъ вреда.

Когда осуществится все, что сказано мною, то на всей землѣ будетъ миръ.

Когда все будетъ миръ на всей землѣ, то не будетъ ссоры.

LXVII.

На всей землѣ люди говорять, что мое Тао велико.

Правда, оно похоже на безумство, но несомнѣнно велико.

Я имѣю три преимущества, которыя я сохраняю, какъ сокровище.

Первое изъ трехъ сокровищъ есть человѣколюбіе.

Второе—бережливость.

Третье—смиреніе или то, благодаря чему я не желаю быть руководителемъ для всей земли.

Человѣколюбивые храбры.

Бережливые щедры.

Смиренные или не желающіе быть руководителями для всей земли будутъ полезны на долгое время.

Кто храбръ, не зная человѣколюбія, кто щедръ, не зная бережливости, кто идетъ впередъ, не зная смиренія, тотъ погибнетъ.

Кто ведетъ войну ради человѣколюбія, тотъ побѣдить враговъ. Если онъ защитить народъ, то оборона будетъ сильна.

Это потому, что его спасетъ Небо, которое дорожитъ подобнымъ человѣкомъ.

LXVIII.

Истинно просвѣщенный человѣкъ никогда не воюетъ.

Превосходный воинъ никогда не разгневается.

Побѣдитель никогда не попросить содѣйствія посторонняго.

Умѣюшій пользоваться людьми охотно занимаетъ низкое мѣсто, что называется добротѣлью безъ сопротивленія, средствомъ для (благоразумнаго) пользованія (услугами) людей и, наконецъ, согласованіемъ съ Небомъ.

Таково древнее постановленіе.

LXIX.

Въ „военномъ искусствѣ“ говорится, что на войнѣ я никогда не бываю активнымъ, а пассивнымъ.

Не сдѣлавъ ни шага впередъ, идти назадъ аршинъ—значитъ: уступить врагамъ оспариваемое безъ сопротивленія.

— Когда нѣтъ враговъ, то не бываетъ войны.

Нѣтъ бѣды тяжелѣе, чѣмъ презирать враговъ.

Презирать враговъ все равно, что бросить богатства безъ надобности.

Плачущій обѣ увеличеніи своего войска всегда будетъ побѣдителемъ.

LXX.

Я говорю, что очень легко пріобрѣсти знаніе и творить благія дѣла.

Между тѣмъ, на всей землѣ никто не знаетъ этого и не дѣлаетъ благихъ дѣлъ.

Въ словахъ долженъ быть принципъ, въ дѣлахъ—господинъ.

Нѣтъ знанія. Вотъ почему я не знаю ничего.

Знающихъ меня мало, поэтому я почтителенъ.

Отсюда, святой мужъ надѣваетъ на себя худую одежду, но въ себѣ имѣетъ драгоценный камень.

LXXI.

Кто, зная много, держитъ себя, какъ незнающій ничего, тотъ—нравственный мужъ.

Кто, не зная ничего, держитъ себя, какъ знающій много, тотъ боленъ.

Кто болѣетъ тѣлесною болѣзнью, тотъ еще не (есть) дѣйствительно больной.

Святой мужъ никогда не болѣетъ, ибо онъ не знаетъ болѣзни, хотя болѣетъ (тѣломъ).

LXXII.

Когда народъ перестаетъ бояться сильного, то сильный ; нападаетъ на него.

Каково бы ни было жилище, оно для святого не тѣсно.

Каково бы ни было мѣсто рожденія, для святого все равно.

Никакой предметъ не стѣсняетъ его, поэтому и онъ не стѣсняетъ никого.

Хотя святой хорошо знаетъ свое достоинство, но никогда не обнаружитъ этого.

Хотя ему не чуждо самолюбіе, но онъ никогда не гордится.

Вотъ почему всѣ должны удалиться отъ первого и приблизиться къ послѣднему.

LXXIII.

Кто силенъ и дерзокъ, тотъ убьетъ людей.

Кто силенъ, но не дерзокъ, тотъ оживитъ людей.

Эти оба либо полезны, либо вредны.

Никто не знаетъ, почему небо любить одинъ предметъ.

а другой нѣтъ. Рѣшить этотъ вопросъ даже святой мужъ не можетъ.

Небесное Тао никогда не ссорится, поэтому оно побѣждаетъ всѣхъ.

Хотя оно мало говоритъ, но обсуждаетъ лучше, нежели многорѣчивые.

Никто не вызываетъ (Тао), но оно присутствуетъ вездѣ.

Намъ кажется, что оно ничего не дѣлаетъ, но на самомъ дѣлѣ оно дѣйствуетъ лучше всѣхъ.

Небесная сѣть не плотна и какъ будто пропускаетъ всѣ предметы черезъ себя; но изъ нея ничего не выйдетъ наружу.

LXXIV.

Народъ не боящійся смерти нельзя страшить смертью.

Народъ, пріученный бояться смерти, нельзя страшить дѣлами, могущими причинить ему смерть.

Есть люди, должностъ которыхъ—убивать. Убивающій людей вмѣсто палача называется намѣстникомъ убійцы.

Намѣстникъ убійцы повредитъ свою руку, совершая убійство.

LXXV.

Оттого народъ голодаетъ, что слишкомъ велики и тяжелы государственные налоги.

Это именно—причина бѣдствія народа.

Народъ сдѣлается непослушнымъ, если правительство будетъ хлопотать о нихъ чрезмѣрно много.

Это именно—причина непослушанія народа.

Когда народъ слишкомъ сильно ищетъ жизни, то онъ будетъ смотрѣть на смерть, какъ на самое легкое дѣло.

Это и есть причина пренебрежительного отношения народа къ смерти.

Вотъ почему не ищущій жизни мудрецъ ищущаго ея.

LXXVI.

Новорожденный младенецъ нѣженъ и слабъ.

Трупъ мертвца крѣплокъ и не гибокъ.

Только-что распустившееся растеніе нѣжно и слабо.

Засохшее растеніе твердо и не гибко.

Отсюда ясно, что нѣжное и слабое живетъ.

Сильное войско не побѣдоносно.

Нельзя поломать связку прутьевъ.

Сильное находится внизу, а слабое—наверху. ✓

LXXVII.

Небесное Тао похоже на человѣка, натягивающаго тетиву на лукъ; высокій поднимаетъ лукъ наверхъ, а низкій поднимаетъ взоръ наверхъ.

Имѣющій избытокъ потерпитъ потерю.

Страдающій недостаткомъ будетъ имѣть избытокъ.

Потому что небесное Тао всегда отнимаетъ у изобилующихъ и отдаетъ страдающимъ недостаткомъ.

Человѣческое Тао, впрочемъ, наоборотъ: оно отнимаетъ отъ неимѣющихъ и отдаетъ изобилующимъ.

Поэтому, кто посвящаетъ свой избытокъ всему миру, тотъ имѣеть Тао.

Святой мужъ дѣлаетъ много, но не хвалится сдѣланнымъ; совершаетъ заслуги, но не признаетъ ихъ, потому что онъ не желаетъ обнаружить свою мудрость.

LXXVIII.

Хотя въ мірѣ нѣтъ предмета, который бы слабѣе и нѣжнѣе воды, но она можетъ разрушить самый твердый предметъ.

Въ мірѣ нѣтъ вещи, которая побѣдила бы воду, ибо она нѣжнѣе и слабѣе всѣхъ вещей.

Извѣстно, что слабое существо побѣждаетъ сильное, нѣжнѣе—крѣпкое, но никто этого не признаетъ.

Святой мужъ говоритъ, что получившій (отъ царя) удѣлъ сдѣлается господиномъ; но принимающій на себя несчастіе страны сдѣлается царемъ ея.

Голосъ истины противенъ слуху.

LXXIX.

Послѣ сильной ненависти останется слабая ненависть.

Ненавидящій, хоть слабо, не можетъ творить добро для ненавистнаго.

Святой беретъ отъ всѣхъ клятвенное свидѣтельство, но не притѣсняетъ никого.

Нравственный человѣкъ соблюдаетъ клятву, а безнравственный нарушаетъ.

Небесное Тао не имѣетъ родственниковъ, поэтому оно всегда склоняется къ добрымъ людямъ.

LXXX.

Такъ какъ въ маленькомъ государствѣ мало народа, то хотя въ немъ много лучшихъ орудій, но они останутся безъ употребленія и безъ надобности.

Народъ такого государства потеряетъ всякую предпрѣимчивость и умретъ на мѣстѣ своего рожденія, не двигаясь никуда.

Если у него много возовъ и кораблей, то они останутся безъ употребленія.

Хотя онъ имѣть благоустроенное войско, но негдѣ выставить его.

Онъ будетъ плести веревку, чтобы ею оградить свое государство.

Хотя онъ ъстъ хорошо, одѣвается красиво, устраиваетъ покойное жилище и живеть весело, но существование его будетъ безполезно.

Хотя такое государство находится съ сосѣднимъ въ такомъ близкомъ разстояніи, что слышны пѣніе пѣтуховъ и лай собакъ въ немъ, но сообщенія между ними никогда не будетъ.

LXXXI.

Голосъ истины неизященъ, а изящная рѣчъ лжива. /

Нравственный человѣкъ не краснорѣчивъ, а краснорѣчивый—лжецъ.

Мудрецъ не знаетъ многаго, а знающій много—не мудрецъ.

Святой мужъ ничѣмъ не запасается. Если запасается чѣмъ-нибудь, то для другихъ.

Когда онъ имѣть что-нибудь, то все раздаетъ другому.

Поэтому запасъ его все болѣе и болѣе увеличивится.

Небесное Тао полезно: оно не имѣть въ себѣ ничего вреднаго для людей.

Тао святыхъ—творить добро и не ссориться.

Примѣчанія.

Источниками для настоящихъ примѣчаній къ книгѣ Лao-Си „Тао-Те-Кингъ“ послужили, главнымъ образомъ, слѣдующія книги: Д. П. Конисси. Философія Лаоси. „Вопросы филос. и психол.“, книги XVIII и XXIII.—„Тао-Те-Кингъ“ Лаоси. Перев. его же, *ibid*, кн. XXIII.—В. Васильевъ. Религія востока: конфуціанство, буддизмъ и даосизмъ. Спб. 1873 г.—архим. Хрисанеъ. Религіи древняго міра. Томъ I. Спб. 1873 г.—Георгіевскій. Принципы жизни Китая. Спб.—Stanislas Julien. Lao-Tzeu Tao-te-King. Paris, 1842 г.—Вл. Соловьевъ. Китай и Европа. Собр. соч., т. VI, изд. 1912 г.—Изреченія Лao-Тзе, избранныя Л. Н. Толстымъ. М. 1911 г.—Лаотзе. Книга пути. Переводъ К. Бальмонта въ сборникѣ „Зовы древности“. Спб. 1908 г. и нѣкотор. друг. сочиненія справочнаго характера.

О ЖИЗНИ ЛАО-СИ.

Жизнеописаніе Лao-Си можетъ занять нѣсколько томовъ или умѣститься въ нѣсколькихъ строкахъ, смотря по тому, примемъ ли мы за жизнеописаніе народный миѳ о Лao-Си или тѣ нѣсколько сухихъ и отрывочныхъ свѣдѣній, съ великимъ трудомъ добытыхъ синологами, да и то не совершенно достовѣрныхъ. Если мы примемъ послѣднее, изъ огромной народной книги о Лao-Си для насъ останется одна страница; при болѣе строгомъ отношеніи—одна строка изъ страницы, при еще болѣе строгомъ—одно слово изъ строки—имя Лao-Си. Но и это имя окажется не имѣнемъ: Лao-Си—значить „престарѣлый философъ“—слѣдовательно, есть только прозвище, данное Лao-Си; слѣдую-

щее прозваніе Лао-Си— „Хакуянъ“—также не имя: это только псевдонимъ философа, принятый имъ по обычаю китайскихъ ученыхъ; наконецъ, мы узнаёмъ, что фамилія его была „Ли“, а имя „Зи“.

Объемъ наименѣе оспариваемыхъ и наиболѣе научно-устойчивыхъ свѣдѣній о Лао-Си крайне не великъ.

Годъ рожденія Лао-Си неизвѣстенъ; его относятъ къ началу VI-го вѣка до Р. Х. Хронологія всемірной исторіи, принятая въ современной Японіи, принимаетъ за годъ рожденія Лао-Си—604; этотъ же годъ указываетъ и извѣстный синологъ Julien. Главнѣйшимъ и единственнымъ по достовѣрности источникомъ для жизнеописанія Лао-Си является китайскій историкъ Сымацянъ, авторъ „Историческихъ повѣствованій“, сочувственно относящейся къ таосизму. Свѣдѣнія, заимствованныя изъ Сымацяня, а также и изъ другихъ китайскихъ источниковъ, приводятся здѣсь по переводу съ китайскаго, сдѣланному Д. П. Коннисси. Родители Лао-Си жили въ селѣ Кёку-Зинъ, уѣзда Лей, провинціи Ку, въ королевствѣ Сѣ, лежавшемъ близъ современного Пекина. Ремесло родителей Лао-Си неизвѣстно. Его имя—Зи, фамилія—Ли. Есть извѣстіе, что фамилію Ли философъ носилъ по матери, а свой псевдонимъ Хакуянъ—по отцу. Неизвѣстно, какое образованіе получилъ Лао-Си; но тотъ фактъ, что въ дальнѣйшемъ Лао-Си былъ на государственной службѣ, для поступленія на которую необходимо было сдать трудные экзамены, показываетъ, что Лао-Си и въ дѣтствѣ получилъ нѣкоторое образованіе.

На нѣкоторыя черты жизни Лао-Си есть весьма смутныя указанія въ самой его книгѣ „Тао-Те-Кингъ“.

Можно думать, что онъ былъ очень небогатъ, простъ, скроменъ, нетребователенъ. „Многіе люди богаты,—гово-

рить онъ въ ХХ гл.,—но я не имѣю ничего, какъ будто все потерялъ. „Я раздаю милостыню въ великому страхѣ“ (гл. ЕIII). Занимая официальное мѣсто, Лао-Си, очевидно, былъ вполнѣ обеспеченъ; лишь послѣднее признаніе о милостынѣ объясняетъ намъ другое признаніе: „я не имѣю ничего“.

Лао-Си былъ женатъ: Сымацянъ сообщаетъ о сыне философа, Сѣ, служившемъ въ военной службѣ, столь отрицающей Лао-Си.

Лао-Си былъ начальникомъ императорскаго книгохранилища (или государственного архива).

Неизвѣстно ничего болѣе о служебной дѣятельности философа. Несомнѣнно лишь то, что этотъ постоянно-свободный доступъ въ величайшее книгохранилище въ Китаѣ далъ Лао-Си возможность въ совершенствѣ узнать всю письменность Китая. Можно думать, что самое недовольство философа практической мудростью своего народа было порождено именно совершеннымъ знаніемъ этой мудрости. Съ другой стороны, пребываніе въ самомъ центрѣ политической жизни страны внушило Лао-Си критическое отношение къ тѣмъ ея формамъ, въ которыхъ она выливалась въ современномъ ему Китаѣ.

У историка Сымацяня сохранено извѣстіе о свиданіи Лао-Си съ Конфуціемъ. Впервые въ этомъ свиданіи обнаружились двѣ силы китайскаго міросознанія: та, которая сдѣлала Китай Китаемъ, и та, которая дала ему только мудрую книгу, совершенно имъ не понятую: сила срединнаго „Конфуціанства“, и безсиліе Лао-Си, про которого Вл. С. Соловьевъ сказалъ, что онъ „единственное исключение“ изъ „не великаго“ народа, въ которомъ „не было и великихъ людей“.

Свиданіе это имѣеть долю исторического вѣроятія (Кон-

фуцій родился, по преданию, въ 551 году; стало-быть, въ старости Лао-Си могъ его видѣть); еслибъ оно и не имѣло этой доли, оно символически было бы неизбѣжно.

„Когда Конфуций находился въ Сіу,—пишетъ Сыманянъ,—то онъ посѣтилъ Лао-Си, чтобы услышать мнѣніе его относительно обрядовъ.

„Обрати вниманіе на то,—сказалъ Лао-Си Конфуцию,—что люди, которые учили народъ, умерли, и кости ихъ уже давно истлѣли, но слова ихъ доселѣ существуютъ. Когда мудрецу благопріятствуютъ обстоятельства, онъ будетъ разъезжать на колесницахъ,—когда же нѣтъ, онъ будетъ ходить, нося на головѣ тяжесть, держась руками за края ея.

„Я слышалъ, что опытный купецъ скрываетъ свой товаръ, какъ будто ничего не имѣеть. Точно также, когда мудрецъ имѣетъ высокую нравственность, то наружность его этого не выражаетъ. Ты брось свою гордость, вмѣстѣ со всякою рода страстями; оставь свою любовь къ прекрасному, вмѣстѣ съ наклонностью къ чувственности, потому что онѣ бесполезны для тебя“.

„Вотъ что я говорю тебѣ, и больше ничего не скажу“.

„Удалившись отъ нашего мудреца, Конфуций сказалъ своимъ ученикамъ: Я знаю, что птицы умѣютъ летать,—рыбы умѣютъ плавать въ водѣ и животныя умѣютъ бѣгать. Также знаю, что бѣгущихъ можно остановить тенетами, плавающихъ—сѣтями, а летающихъ—силками. Но, что касается дракона, то я не знаю ничего. Онъ несется на облакахъ и поднимается на небо“.

„Я сегодня увидѣлъ Лао-Си. Не драконъ ли онъ“.

Опредѣляя сущность религіознаго сознанія китайцевъ, арх. Хрисанѣй говоритъ: „Всѣ священные или авторитет-

ныя книги Китая — по преимуществу, содержанія нравственно-практическаго. Но ни одно изъ заключенныхъ въ нихъ нравственныхъ правилъ не возвышается надъ обычными, естественными требованіями такъ называемой житейской мудрости, житейскаго разсчета". Именно обладателемъ такой мудрости предсталъ предъ Лао-Си Конфуцій и въ лицѣ его какъ бы самъ Китай предсталъ предъ Лао-Си; выслушалъ его почтительно, назвалъ его дракономъ,—и ничему не научился отъ него. Судьба Лао-Си была совершенно такая же въ Китаѣ: его выслушали, не только назвали дракономъ, но обожествили,—и все же, какъ отъ Конфуція въ повѣствованіи историка, ушелъ Лао-Си отъ Китая на западъ, къ варварамъ.

Лао-Си оставилъ государственную службу, недовольный теченіемъ общественныхъ и политическихъ дѣлъ, и удалился въ уединеніе — поступокъ, единственный, можетъ быть, во всей истории Китая до Лао-Си. Онъ посвятилъ свою жизнь созерцанію и размышленію; поселился въ уединенной пещерѣ и тамъ-то, по преданію, обдумалъ свою книгу. Объ уединеніи Лао-Си писалъ въ ней: „Когда дѣлаувѣнчаются блестящимъ успѣхомъ и будетъ пріобрѣтено доброе имя, то лучше всего удалиться (въ уединеніе). Вотъ это-то и есть небесное Тао“ (IX).

Наконецъ, онъ вознамѣрился покинуть Китай совершенно. Онъ рѣшилъ уйти въ страны варваровъ, черезъ западную границу. Это указаніе на отшествіе Лао-Си на западъ чрезвычайно важно: оно,—по свидѣтельству проф. Васильева,—,какъ бы указываетъ на связь книги Лао-Си съ западомъ“. Западъ отнимаетъ Лао-Си у Китая и изъ-за китайскихъ стѣнъ конфуціанской и всекитайской „средины и постоянства“ уводить къ западному богостроительству,—буддийскому и чуть ли не къ еще болѣе намъ близкому:

„Въ новѣйшее время,—пишетъ проф. Васильевъ,— „въ до-
шедшій до насъ книгѣ (Лао-Си. С. Д.) отыскали уже имя
Іеговы; оно, хотя и переписанное китайскими іероглифами,
которымъ даютъ соотвѣтственное языку толкованіе, пора-
жаетъ уже тѣмъ, что китайскій языкъ собственно не
употребляется для названія больше двухъ іероглифовъ (а
здесь три), да и идея, выражаемая ими, также подходитъ
къ западнымъ понятіямъ о Божествѣ, совершенно прежде
неизвѣстнымъ на востокѣ“ (оп. cit., 76-77).

Какъ бы то ни было, аскетическое устремленіе Лао-Си
къ уединенію, молчанію и созерцанію,—есть отрицаніе, по
существу, всего китайского религіознаго сознанія и дѣй-
ствованія. Китаецъ, по опредѣленію нашего извѣстнаго
синолога Георгіевскаго, относящагося къ духовному строю
жизни Китая съ большимъ сочувствіемъ,—„это конфуціанецъ
въ теоріи (всего чаще) и на практикѣ (почти всегда), это
человѣкъ, полагающій цѣль своей жизни въ личномъ зем-
номъ благоустройствѣ и пользующійся для достиженія цѣли
сыновнимъ благочестіемъ, какъ средствомъ основнымъ, обу-
словливающимъ всѣ другія средства“ (стр. 459). Съ этой
точки зрѣнія, очевидно, не было болѣе некитайскаго ки-
тайца, чѣмъ Лао-Си съ его „уходомъ“ изъ Китая для иска-
нія возможности желаемой имъ совершенной аскезы.

По преданію, сообщаемому Сымацинемъ, направляясь
на западъ, Лао-Си достигъ горнаго прохода, находившагося
на границѣ имперіи. Тамъ его встрѣтилъ начальникъ по-
граничной стражи Инъ-Ки (или Инъ-Си), бывшій глубо-
кимъ почитателемъ философа. Полагая, что Лао-Си хочетъ
исчезнуть навсегда, Инъ-Ки сказалъ ему: „Философы! ужели
ты думаешь скрыться? Если такъ, то прошу—изложи сна-
чала свое ученіе для нашего наставленія“. Въ отвѣтъ на
это Лао-Си написалъ свою книгу „Тао-Те-Кингъ“. По ки-

тайскому исчислению, въ этотъ именно годъ родился Сидарта Будда.

Это преданіе о созданіи „Тао-Те-Кинга“ недостовѣрно: совершенно очевидно, что книга Лао-Си, пестрая по составу, не цѣльная даже по главамъ, написана въ разное время и есть сборникъ афоризмовъ, составлявшихся по разнымъ случаямъ и при различныхъ обстоятельствахъ.

О жизни Лао-Си въ его уединеніи неизвѣстно ничего. Сымацянъ пишетъ лишь: „Нѣкоторые думаютъ, что Лао-Си жилъ до 160 лѣтъ отъ роду, другіе—до 200 лѣтъ, благодаря своей святой жизни, согласной съ Тао“. Древнія китайскія изображенія Лао-Си рисуютъ его уѣзжающимъ на западъ на быкѣ; его изображаютъ при этомъ съ большой бородой—признакъ, что философъ, уѣзжая, уже достигъ 60-лѣтняго возраста, такъ какъ лишь съ этого возраста китайцамъ разрѣшалось ношеніе бороды. О внѣшности Лао-Си существуетъ апокрифическое свидѣтельство въ исторіи Сымацяня: „Лао-Си былъ высокаго роста; цветъ лица у него былъ желтый, красивыя брови, длинныя уши, широкій лобъ, рѣдкіе и некрасивыя зубы, четырехъ-угольный ротъ съ толстыми и безобразными губами“.

Вокругъ этого остова свѣдѣній о философѣ Лао-Си образовался миѳ о великомъ и всемогущемъ мудрецѣ Лао-Си. Отъ Лао-Си ведетъ свое начало даосизмъ (или таосизмъ), распространенное въ Китаѣ, въ простомъ народѣ, въроученіе. „Даосизмъ есть самый разнородный составъ всякаго рода вѣрованій и приемовъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго, даже не старавшихся обобщиться посредствомъ какой-нибудь системы. У всѣхъ у нихъ одного общаго только имя, да то, что всѣ они согласно признаютъ своимъ учителемъ Лао-Цзы“—говорить о даосизме китайскій писатель Ма-Дуань-Линъ.

Чрезвычайно мѣтко указываетъ однако проф. Васильевъ то общее, что есть у всѣхъ этихъ, дѣйствительно, противорѣчивыхъ и взаимно исключающихъ другъ друга ученій, именуемыхъ таосизмомъ: „Общая связь всѣхъ разнородныхъ системъ даосизма заключается въ ихъ протестѣ противъ конфуціанства, въ принятіи именно того, что не согласно съ этимъ ученіемъ, въ соединеніи подъ одно знамя всѣхъ недовольныхъ“.

Таосизмъ, при всѣхъ его противорѣчіяхъ и нелѣпостяхъ, есть выходъ къ совсѣмъ иному религіозному сознанію или состоянію, чѣмъ мертвый позитивизмъ китайщины; горный проходъ, уводившій Лао-Си изъ Китая на западъ, оставленъ имъ въ его книгѣ; въ теосизмѣ этотъ проходъ за-громожденъ и заваленъ множествомъ камней и камешковъ, но это всетаки нѣкоторый проходъ. Съ этой точки зрѣнія даосская легенда о Лао-си примѣчательна своими обращеніями къ западу и вѣкитайскими толкованіями Лао-Си. Она начинается съ разсказа о превращеніяхъ Лао-Си, о преждесуществованіяхъ мудреца и этимъ самымъ разбиваетъ тупое спокойствіе китайскаго представленія о существованіи человѣка въ конечныхъ предѣлахъ рожденія и смерти.

„Этотъ Лаоузюнь (Лао-Си), — повѣствуетъ даосская легенда,—родился самъ собою прежде великаго несуществованія; онъ не имѣть причины; его нельзя опредѣлить существованіемъ вселенной; катясь вмѣстѣ съ великимъ Дао, онъ создаетъ вселенную, разливаетъ дыханіе во всѣхъ странахъ; онъ ниспускается, какъ государственный учитель, во всѣ времена, хотя люди и не знаютъ болѣе того, что при династіи Чжоу онъ снова воплотился въ фамиліи Ли и родился изъ лѣваго бока“ (какъ и Будда). Онъ „высочайший старый властитель“. Начало его воплощеній нельзя

познать. „Первое перерождение полагается за полторы тысячи лѣтъ до нашей эры, когда Лао-узюнь, отдѣливъ святой воздухъ, помѣстилъ его во чрево прекраснѣйшей яшмовой девицы, гдѣ онъ и пробылъ 81 годъ (почему и родился съ бѣлыми волосами и названъ старымъ). Онъ родился изъ лѣваго бока подъ деревомъ Ли (каштанъ) и указавъ на него, сказалъ: оно будетъ моей фамилией; голова у него была бѣлая, лицо желтое, уши длинныя, глаза большіе, окладистая борода, широкая шея, рѣдкіе зубы, квадратный ротъ, на ладоняхъ крестъ“. (Переводъ проф. Васильева съ китайс.) По другому преданію, сообщаемому арх. Хрисанеомъ, „мать его зачала не отъ мужа, но отъ опустившейся на нее звѣзды, и 80 лѣтъ носила во чревѣ таинственный плодъ соединенія земли съ небомъ, пока не родила своего „сѣдого младенца“.

Странствуя въ колеснице, запряженной чернымъ быкомъ, на западъ, Лао-Си въ одно изъ странствій, утверждаютъ даосы, „оплодотворилъ спящую мать Шакія-Муни, отчего и родился Будда“—въ годъ созданія „Тао-те-Кинга“. Лао-Си посѣщалъ Индію и Тибетъ. Онъ былъ все-вѣдущъ, пріобрѣтя всевѣдѣніе подвигомъ молчанія, уединенія и созерцанія. „Онъ указалъ средства, какъ добывать девять сортовъ пилиуль, восемь камней, яшмовый напитокъ, золотую слону, какъ покорять демоновъ и распоряжаться ими, питать природу, не ъсть хлѣба, принимать превращенія“.

Императоръ, желая видѣть Лао-Си и не добившись свиданья съ нимъ, самъ поѣхалъ къ нему и, увидя, что онъ не кланяется, сказалъ: „Ты хотя и праведный, но мой подданный, отъ меня зависитъ богатство и знатность“.— Тогда Лао-Си, поднявшись на сто саженей на воздухъ, сказалъ: „Теперь, когда я вверху не на небѣ, въ срединѣ

(на воздухѣ) не похожъ на человѣка, внизу не касаюсь земли,—что значать твои, государь, награды". Императоръ, познавъ его мудрость и величіе, слѣзъ съ носилокъ и поклонился ему. Такъ—по легендѣ—величайшій носитель святыни китаизма—Императоръ склонился предъ мудрымъ Лао-Си.

Величайшее знаніе, данное Лао-Си даосамъ, вѣрнымъ своимъ,—знаніе бессмертія, путь къ практическому достижению бессмертія. Въ даосскихъ системахъ есть все: міеологія, астрологія, космологія, теогонія, магія, медицина, практическая аскеза (напр., пріемы дыханія, практика созерцаній и проч.)—но все это только для того, чтобы овладѣть бессмертіемъ тутъ же, на землѣ, чтобы вознести на небо „для принятія должности на небѣ".—Эта жажда почти осязаемаго бессмертія есть то, что, можетъ быть, наиболѣе презираемо китайцами въ даосизмѣ, такъ какъ нѣтъ ничего болѣе чуждаго китайцу и китаизму, какъ какая бы то ни было идея бессмертія (если, разумѣется, не подмѣнивать бессмертія дурной бесконечностью смерти и рожденія—столь почитаемой въ Китаѣ). „Будущаго для китайца нѣть, тѣмъ болѣе будущаго за предѣлами этого міра. Замѣчательно, что китаецъ, скептически относясь къ вопросу о будущей жизни человѣка, вмѣстѣ съ тѣмъ не разсуждаетъ и о будущемъ всего міра или о концѣ вселенной. Въ его религіозной доктринѣ нѣть эсхатологіи, нѣть слова о концѣ міра, какъ нѣть слова и о его началѣ. Онъ знаетъ только фактъ бытія вселенной. О томъ, что выходитъ за предѣлы дѣйствительности, онъ не хочетъ знать. Это человѣкъ факта и тихаго, спокойнаго, но постояннаго материальнаго труда" (арх. Хрисанѣй).

Даосскія легенды Лао-Си показываютъ съ достаточной убѣдительностью, что и китайскій „человѣкъ факта" не

избѣжалъ жажды безсмертія „ну, хоть маленькаго, малю-
сенькаго“ (Достоевскій). Въ этомъ смыслѣ, какъ ни грубъ
и ни пестръ по своему составу, даосизмъ, онъ—всегда
дѣтище того *единственнаю* изъ китайцевъ, которому тяжело
стало оставаться китайцемъ до конца и который бѣжалъ
изъ Китая на запретный западъ къ какой-то новой рели-
гіозной дѣйствительности.

Дракономъ взлетающимъ, а не покоящимся на божест-
венней серединѣ, назвалъ Конфуцій—Китай съдого младенца
Лао-Си,—и этотъ драконъ есть единственный за тысяче-
лѣтнюю исторію Китая, который *хотъмъ* возлетѣть къ небу.
Существуютъ самыя противорѣчивыя толкованія ученія Лао-
Си. Вл. С. Соловьевъ признавалъ Лао-Си „величайшимъ
и, можетъ быть, единственнымъ умозрительнымъ фило-
софомъ желтой расы“ (Соч., VI, 118), утверждая, что,
по Лао-Си, „истинное начало всего есть абсолютное
безразличіе“, что „абсолютная пустота или безразличіе,
какъ умозрительный принципъ, и отрицаніе жизни, зна-
нія и прогресса, какъ необходимый практическій вы-
водъ“ составляютъ самое существо ученія Лао-Си. Въ
противоположность Вл. Соловьеву, арх. Хрисанѣтъ утвер-
ждалъ, что „божество Лао-цы есть міровая субстанція
въ пантегистическомъ смыслѣ,“ что Лао-Си призываетъ
къ безсмертію, пріобрѣтаемому мудростью чрезъ усвое-
ніе божественного элемента въ природѣ (I, 161). Авторъ
статьи о Лао-Си въ русскомъ философскомъ журналѣ,
Д. П. Конисси утверждаетъ, что „признавая Тао безко-
нечнымъ и чистѣйшимъ духомъ, Лаоси приходитъ къ ло-
гически необходимому выводу, что оно существо высочай-
шее и абсолютное“, что „метафизическая система Лао-Си
представляетъ собою послѣдовательное и цѣльное ученіе
о единомъ Верховномъ Существѣ, подобное тому, до кото-

раго возвысилась греческая философія въ эпоху своего расцвѣта (Воп. Фил. и Пс. XXIII, 375-76). Всецѣло оставляя это утвержденіе на отвѣтственности Д. П. Конисси, мы отмѣтимъ лишь нѣкоторыя черты какого-то *иераклинизма* у Лао-Си: „Вообще вещи идутъ впередъ или назадъ; воютъ или дуютъ; сильны или слабы; несутся или же останавливаются на одномъ мѣстѣ“ (XXIX). „Я какъ будто несусь, но не знаю куда и гдѣ остановлюсь. Я одинъ теменъ, но люди свѣта просвѣщены. Я одинъ страдаю душевно; волнуюсь, какъ море; блуждаю и не знаю, гдѣ остановиться (ХХ). Л. Н. Толстой, въ послѣдніе годы жизни вновь заинтересовавшійся ученіемъ Лао-Си, утверждалъ, что „сущность ученія Лао-Тзе есть та же, какъ и сущность ученія христіанскаго“ (въ книжкѣ: Лао-Тзе. Избранныя мысли. Изд. Посредника, М. 1911 г., стр. 10—11). Это утвержденіе Л. Н. Толстого, а также и другое его утвержденіе, что основная мысль ученія Лао-Си „не только похожа, но совершенно та же, какъ и та, которая выражена въ 1-мъ посланіи Іоанна“ (стр. 9)—является ошибочнымъ. Первое посланіе апостола Іоанна, дѣйствительно, выражающее основу христіанского ученія, съ неоспоримой ясностью выводить заповѣдь о любви изъ ученія о Іисусѣ Христѣ, Сынѣ Божіемъ; „Любовь познали мы въ томъ, что Онъ (т.-е. Христосъ) положилъ за насъ душу свою“ (3,16); оно утверждаетъ далѣе Троичность Божества; „Ибо три свидѣтельствуютъ на небѣ: Отецъ, Слово и Святый Духъ, и сіи три суть едино“ (5,7); наконецъ, самую любовь посланіе ставить въ тѣснѣйшую связь съ Богочеловѣчествомъ Христа и сыновствомъ людей Богу; „Всякій вѣрующій, что Іисусъ есть Христосъ, отъ Бога рожденный, и всякъ, любящій родившаго, любитъ рожденнаго еть Него. Что мы любимъ дѣтей Божіихъ, узнаемъ изъ того, когда лю-

бимъ Бога“ (5,1—2). Идеи Богосыновства, Богочеловѣчества, искупительной жертвы и любви христіанской, вытекающей изъ этихъ основныхъ утвержденій посланія Іоанна, совершен-но чужды Лао-Си, какъ и другимъ китайскимъ ученіямъ. Понятія, выражаемаго словомъ „Любовь“, въ учениі Лао-Си нѣтъ вовсе: оттого это слово не встрѣчается въ перево-дахъ Конисси и Васильева, сдѣланныхъ съ китайскаго. Ученіе Лао-Си содержитъ подлинное, опытное указаніе на внутренній религіозный путь (который Лао-Си обозначаетъ словомъ Гад), въ его учениі есть несомнѣнно-сильное нача-ло аскетизма, несвойственного другимъ китайскимъ уче-ніямъ (какъ это указано архим. Хрисаноемъ), но, при всей своей возвышенности, чистотѣ и религіозной значитель-ности путь Лао-Си *не есть путь христіанский*. Наука ки-таевѣдѣнія, сравнительная исторія религій и богословіе одинаково заставляютъ утверждать это съ полной очевид-ностью.—Но при всѣхъ разнорѣчіяхъ въ пониманіи ученія Лао-Си одно совершенно несомнѣнно: это глубокое различіе духовнаго пути Лао-Си отъ пути всѣхъ до единаго китайскихъ мыслителей. Путь Лао-Си—внутреннее углубленіе, отшель-ничество, пещера (имѣющаѧ особое мистеріальное значеніе во всѣхъ арійскихъ религіяхъ), молчаніе, созерцаніе, аскеза—путь буддійскій, христіанскій (разумѣется, со стороны *чисто виншней*, формъ, а не сущностей), но совершенно не китай-скій. Арх. Хрисаноѣ, разбирающій учение Лао-Си съ точки зрѣнія христіанскій, чрезвычайно удачно и глубокомысленно отмѣчаетъ это разительнѣйшее отличіе Лао-Си отъ всѣхъ другихъ китайскихъ религіозныхъ мыслителей: „Миръ есть проявленіе Дао—въ его неистинной, низшей формѣ бытія. Истинное бытіе, слѣдовательно, состоитъ въ отрѣшенніи отъ этого ничтожнаго, дѣйствительнаго бытія, въ забвеніи интересовъ настоящей жизни, въ приближеніи посредст-

вомъ созерцанія къ жизни самаго „Дао“. Съ такимъ понятіемъ о божествѣ и происхожденіи, изъ него міра у Лао-Тзы связывается аскетизмъ, такъ чуждый китайскому духу, и созерцательность, такъ мало понятная для національныхъ мудрецовъ Китая. Этотъ аскетизмъ и есть путь къ соединенію съ вѣчнымъ Дао. Человѣкъ сосредоточенный освобождается изъ подъ власти міра и становится одно съ „Дао“; съ этою послѣднею мыслію о соединеніи съ „Дао“ связано ученіе объ откровеніяхъ, получаемыхъ отъ вѣчнаго разума“.

Изъ завершенного, обнесенного великой стѣной „не хочу знать далѣе“ китайскаго міра, отъ позитивной середины, торжествующаго факта и чувственной данности, Лао-Си хочетъ уйти горнымъ проходомъ созерцанія, уединенія, молчанія и аскезы. Въ этомъ проходѣ открывается намъ истинный Лао-Си—единственный драконъ, хотѣвшій взлетѣть къ небу.

Понятіе Тао у Лао-Си.

Центральное мѣсто въ ученіи Лао-Си занимаетъ понятіе „Тао“ (или „Дао“, по другому произношенію). Изъ „Тао“ выводить Лао-Си всю свою космогонію, метафизику, этику, даже политику; послѣдователи Лао-Си, даосы, выводятъ изъ Тао всю свою миѳологію, астрологію, магію, даже медицину.

„Въ буквальномъ переводе съ китайского слово „Тао“ (или То, До) обозначаетъ понятія: „путь“, „новиненіе“, „слово“ или „говорить“—въ общеупотребительномъ языке, „истина“ или то, что непремѣнно должно быть такъ, а не иначе—въ философскомъ смыслѣ; оно же означаетъ императивный долг—въ этическомъ смыслѣ“ (Конисси XXII,

263). До Лао-Си это слово употреблялось лишь въ двухъ значеніяхъ: 1) *путь* или *дорога* и 2) *императивъ*—въ этическомъ смыслѣ. Слово Тад—употребляется и въ системахъ конфуціанства. Лао-Си далъ этому слову въ своемъ учениі совершенно особый смыслъ, установить который въ точныхъ и опредѣленныхъ терминахъ крайне трудно.

Въ космогоническомъ смыслѣ, напр., въ XLII главѣ, гдѣ о Тад говорится, какъ о „произведшемъ одно, одно—два, два—три, а три—всѣ вещи“, понятіе Тад у Лао-Си является, надо думать, тождественнымъ съ такимъ же понятіемъ у Конфуція: въ этомъ смыслѣ Тао, по прекрасному опредѣленію Вл. С. Соловьевъ,—есть „единая безусловная потенція природы“, проявляемая въ мірѣ двумя силами „инъ и янъ“ (см. о нихъ главу XLII). Но даже въ чисто космогоническомъ смыслѣ Лао-Си не довольствуется этимъ значеніемъ для Тао: Тао—творецъ всего сущаго, а не только природа, неизмѣнная по существу, но выдѣляющая изъ се-бя силы и творенія—таковъ смыслъ главы LI-ой.

Изъ всѣхъ китайскихъ философовъ лишь одинъ Лао-Си не принялъ міра, какъ факта, подлежащаго объясненію только въ предѣлахъ этого факта и исходя изъ конкретности этого существованія міра, доступнаго чувствамъ: Лао-Си одинъ шелъ умозрительнымъ путемъ. Поэтому Тао—постигается умозрительно, и въ собственномъ своемъ бытіи оно есть „чистыйший духъ“ (гл. VI).

По опредѣленіямъ самого Лао-Си, Тао—„безконечная глубина“ (IV), „неуловимо, какъ блескъ свѣта“ (XXI), „безконечно“ (XIV), „не имѣеть имени, но люди его называютъ Tao“ (XXV, XXXII, LXI), „неистощимо“ (IV), „чисто“ „предвѣчно“ „непостижимо“ (XXI), „безтѣлесно“ „само-бытию“ (XXV), и т. д.

Тао—безконечно: оно есть „бытіе, которое существуетъ

раньше, нежели небо и земля", оно „не знаетъ переворота" (XXV). „О, безконечное! нельзя назвать его именемъ!" (XIV). „Тао пусто, но когда его употребляютъ, то, кажется, оно неистощимо". (IV).

Тао—есть чистыйший духъ: „чистыйший духъ бессмертенъ" (VI), „онъ будетъ существовать безъ конца". (VI.).

Какъ безконечное и чистѣйшее-духовное, Тао есть существо высочайшее и абсолютное: „невозможно даже вообразить, что существуетъ что-нибудь выше его".

Тао—абсолютно и едино (гл. VI, X), самобытно (XXV), безпредѣльно (XXXIV), всемогуще (LXXIII), внѣвременно, вѣчно (XXXII).

Такимъ образомъ, всѣ эти свойства Тао, изображающія его природу, могутъ быть сводимы къ одному: Тао есть *Верховное Существо*.

Къ Тао сводится вся этика и политика Лас-Си: „живущій по Тао равенъ Тао" говорить онъ (XXIII). Поэтому въ понятіи Тао заключено не только представленіе о нѣкоемъ Высшемъ Началѣ, но и о пути къ нему, о со участіи въ Тао: отсюда и самое слово Тао значитъ *путъ*.

Въ представленіи даосовъ Тао есть *Все*: „Что такое дао? Нить пустоты и несуществованія, корень творенія, основаніе духовнаго, начало неба и земли; нѣть ничего вѣтъ его, нѣть ничего такого сокровеннаго, которое бы не заключалось вѣтъ немъ". (Изъ даосскихъ писаній, приводимыхъ у Васильева, стр. 81).

„Даосійцы ищутъ вѣтъ Дао тайну вѣчной и блаженной жизни; неизмѣнной и всеобъемлющей,— нѣчто вѣтъ философскаго камня или жизненного элексира". (Соловьевъ, VI, 140).

Пребываніе вѣтъ Тао есть пребываніе вѣтъ совершенствѣ

и блаженствѣ (въ сферѣ нравственной), въ вѣчности и бессмертии (въ сферѣ метафизической)—таковъ прямой смыслъ ученія самого Лao-Си у Tao.

По учению даосовъ, пребывающій въ Tao приобрѣтаетъ еще власть надъ природой и становится вѣчнымъ—или вѣчностью нестарѣющаго тѣла, или вѣчностью переселенія души въ другія существа. Въ концѣ же концовъ является вѣчность совершенного возвращенія въ Tao, въ самобытіе.

Примѣчанія къ отдѣльнымъ главамъ.

ПЕРВАЯ КНИГА.

Глава I. „*To, что не имѣетъ . . . . ; то, что имѣеть имя—есть мать всѣхъ вещей*“.—Буквально не мать, а самка. Въ переводѣ St. Julien'a—la femelle. (р. 21).

„Эти оба происходятъ изъ одного и того же начала, но только носятъ разное название“.—Значеніе этого афоризма Д. П. Конисси объясняетъ такъ: „Существо, не имѣющее имени, и существо, имѣющее имя,—произошли изъ одного и того же начала—Тао“.

Глава IV. „О, какъ чисто!.. предшествовало ли первому царю“.—По объясненію переводчика: царю неба.

Глава V. „Они поступаютъ со всѣми вещами, какъ *съ соломенной собакой*“—Объясненіе Д. П. Конисси „Соломенная собака—это кукла собаки, сдѣланная изъ соломы. Она, по словамъ толкователя Лао-Си *Хаку-Гёку-сенъ*, употреблялась при жертвоприношенії. Когда окончится обрядъ приношенія, то китайцы бросаютъ ее и топчутъ ногами. Здѣсь это выраженіе употреблено въ смыслѣ „ничтожества“.—Соломенная кукла собаки замѣнила какой-либо живой реальный предметъ жертвоприношеній: свидѣтельство, что во времена Лао-Си натуральная жертвы уже замѣнялись символическими.

Афоризмъ первый этой главы въ переводѣ проф.

Васильева читается такъ: „небо и земля не имѣютъ человѣколюбія“. (стр. 77).

Глава VI. „Непостижимой матерью (*самкой*)—„la femelle mystérieuse“ у St. Julien'a. (р. 21).

Глава VII. „Причина того, что небо и земля вѣчны, заключается въ томъ, что они существуютъ не для смихъ себя“.—Лао-Си признаетъ временное существование вселенной. Вселенная не вѣчна. „Ни небо, ни земля,—говорить онъ,—вѣчно существовать не могутъ“. Миръ существуетъ только благодаря Тао: въ Тао—причина долгаго существованія міра; однако Тао, образовавшій міръ, сдѣлалъ это не для него самого. „Процвѣтающая вещь легко старѣеть“—говорить Лао-Си о мірѣ. См. главы XXIII и LV.

„Онъ (т.-е. святой мужъ) оставляетъ свое тѣло...“

По переводу проф. Васильева этотъ и слѣдующій афоризмы читаются такъ: „Когда святой мужъ небрежетъ о своемъ тѣлѣ, то его тѣло выступаетъ впередъ, и онъ можетъ достигнуть долголѣтія. Когда онъ не думаетъ о собственной пользѣ, то можетъ совершить собственную пользу“. (Стр. 78).

Глава IX. Афоризмы третій, четвертый, пятый, по переводу проф. Васильева: „Домъ, наполненный золотомъ и драгоценными камнями, нельзя сберечь; богатство и знатность возбуждаютъ гордость и влекутъ за собою вину (несчастіе); небесный путь требуетъ, чтобы доблести отступали вслѣдъ за тѣломъ“. (Стр. 78).

Глава X. „Кто хочетъ открыть небесныя врата, тотъ долженъ быть, какъ *самка*“.—Объясненіе переводчика: „Открыть небесныя врата“—значитъ достигнуть Тао или нравственнаго совершенства. Отсюда смыслъ этого афоризма таковъ: желающій достигнуть нравственнаго

совершенства долженъ быть смиреннымъ, какъ самка смиренна передъ самцомъ“.

Глава XIII. „Почесть отъ сильныхъ міра.., какъ *къ совершенно призрачной*“.—Буквально: „достойной удивленія“.

Глава XV. „Исполняющій Тао не желаетъ быть *наполненнымъ*“,—т. е. удовлетвореннымъ.

Глава XVIII. „Когда великое Тао...“ - По толкованію Д. П. Конисси, „тутъ Лао-Си иронически называетъ „великимъ Тао“ и мудростью тѣ ученія, которымъ известны подъ названіемъ „Ученія блаженнѣйшихъ царей“.—„Ученіе блаженнѣйшихъ царей“ есть древнее китайское ученіе. О немъ же говоритъ Лао-Си въ двухъ первыхъ афоризмахъ XIX-ой главы. („Когда уничтожено будетъ ученіе...“). Объ этихъ древнѣйшихъ ученіяхъ царей синологъ проф. Васильевъ, выясняя ихъ отношеніе къ конфуціанству, говоритъ слѣдующее: „Конфуціанство самостоятельно дошло до мысли, что только то хорошо, что сохраняетъ на себѣ типъ древности; только въ древнее время были хороши образцы, совершенные люди. Не считая еще ихъ ни богами, ни святыми, конфуціанство выставляетъ въ примѣръ нравственности и самаго лучшаго управлениія такихъ государей, каковы были: Яо, Шунь, Ваны: Танъ, Вэнъ и У; при этихъ царяхъ все было хорошо устроено; каждое изреченіе ихъ, даже простое восклицаніе, есть комментарій навсю жизнь, законъ для будущихъ вѣковъ“. (Васильевъ, Религіи Востока, стр. 17). Конфуціанство, явившееся реакцией противъ ученія Лао-Си, приписывало величайшее значеніе „ученію блаженнѣйшихъ царей“; Лао-Си, обратно, возставалъ противъ этихъ „комментаріевъ на всю

жизнь". Уже при ученикѣ Конфуція, Мен-цзы, государи Яо и Шунь были признаны полубогами.

„Когда шесть ближайшихъ родственниковъ“.—По объясненію переводчика: „б степеней родовыхъ линій“.

Еся эта глава переведена проф. Васильевымъ:

„Когда великое *Tao* потеряно, тогда уже является человѣколюбіе и истина; разумъ и благоразуміе вытекаютъ изъ великой лжи; когда нарушается гармонія въ родствѣ, тогда только является почтительность сыновня и любовь родительская; когда государство возмущено, тогда только являются преданные престолу чиновники. (Стр. 77).

„Великое *Tao*“, упоминаемое въ этой и слѣдующей главахъ, есть *мнимое, ложное Tao* и, какъ такое, оно противоположно истинному *Tao*, которому посвящена вся книга Лao-Си и великія послѣдствія отъ слѣдованію которому изложены Лao-Си въ XXXIII главѣ, поэтому потеря этого „великаго *Tao*“—есть благо потеря истиннаго *Tao*—великое зло (глава XXXII).

Глава XIX. Къ афоризмамъ первому и второму: „Когда оставлены святость и мудрость“... и „когда оставлены человѣколюбіе и справедливость“. Переводчикъ относить и эти выраженія (святость, мудрость, человѣколюбіе, справедливость) къ отвергаемому Лao-Си „Ученю блаженнѣйшихъ царей“. О немъ см. примѣч. къ XVIII главѣ.

Глава XX. „Я одинъ отличаюсь отъ другихъ тѣмъ, что люблю питаться у матери“.—Т. е. у матери всѣхъ вещей—у самки, у *Tao*. См. I главу и особенно VI-ю.

Глава XXVIII. „Кто знаетъ... и остается въ невѣжествѣ“.—Буквальный переводъ: *въ незнаніи*.

Глава XXIX. „Вообще, вещи идутъ впередъ или назадъ: воюютъ или дуютъ“.—Въ текстѣ St. Julien'a: грѣютъ или охлаждаютъ.

Глава XXX. „Когда вещь дойдетъ до полноты своего развития“. Букв. силы.

Глава XXXII. „Когда цари и князья заботятся о защитѣ (своей страны), то сама природа сдѣлается помощницей ихъ“. Букв.: веицъ.

„Когда небо совокупится... чего человѣкъ не въ состояніи устроитъ“.—По буквальному переводу: заставить творить.

ВТОРАЯ КНИГА.

Глава XXXVIII. „Отсюда, когда потеряно Тао“.—Сокращенный переводъ этого и слѣдующаго афоризма у проф. Васильева: „Когда потеряна путь (дао), являются доблести (д'э), потеряны доблести,—является человѣкслюбіе, истина, церемоніи... Церемоніи же имѣютъ самое ничтожное значеніе въ преданности и вѣрности, напротивъ, онъ—глава безпорядка“.(Стр.77). Въ виду важности этого мѣста приводимъ его еще въ переводѣ съ англійскаго, редактированномъ Л. Н. Толстымъ (Изб. мысли Лао-Си. М. 1911 г.): „Если потеряно Тао, то остается добродѣтель; потеряна добродѣтель, остается человѣклюбіе; потеряно человѣклюбіе остается справедливость; потеряна справедливость, остается приличіе. Приличіе—это только подобіе правды и источникъ смутъ“. Это же мѣсто имѣется въ переводѣ К. Д. Бальмонта, въ книгѣ „Зовы древности“. Спб. 1908 г., стр. 138.

Мѣсто это противоположно по смыслу сказанному объ исчезновеніи мнимаго „великаго Тао“ въ глаш XVIII и XIX.

Глава XL. „Всѣ вещи произошли отъ бытія (что), и бытіе отъ небытія (ничто)“. См. примѣчаніе первое къ XLII главѣ.

Глава XLII. „Тао произвело одно, одно—два, два—три, а три—всѣ вещи“.

Глава ЕXI. Въ переводѣ съ анг. подъ ред. Л. Н. Толстого читаемъ: „Когда высшіе ученые узнаютъ о Тао, они старательно исполняютъ его. Когда средніе ученые узнаютъ о Тао, они то соблюдаютъ, то теряютъ его. Когда низшіе ученые узнаютъ о Тао, они смыются надъ нимъ. Если бы они не смыялись надъ нимъ, оно бы не заслуживало имени Тао“. (Стр. 23).

Глава XLIII. „Одинъ—это нечетное число, а два—четное. Соединеніе четнаго съ нечетнымъ обнимаетъ все многообразіе чиселъ.—О происхожденіи вещества нашъ философъ учитъ слѣдующимъ образомъ: Тао „произвело одно и т. д.“ Это значитъ, что Тао создало единое, т. е. несложное, которое не есть еще видимое, осозаемое вещество и есть небытіе. Такъ какъ небытіе—отрицаніе бытія—заключаетъ въ себѣ элементъ отрицаемаго, то изъ него же произошелъ и весь видимый міръ.

О вѣрности нашего пониманія вышеприведенного изреченія Лао-Си свидѣтельствуетъ слѣдующая мысль его: „Всѣ вещи,—говорить онъ,—произошли изъ бытія, и бытіе—изъ небытія“. (XL глава, послѣдній афоризмъ). (Д. Конисси. Философія Лаоси. Вопр. фил. и псих., XXIII, 377). См. также замѣчанія о космогоніи Лао-Си выше, въ замѣткѣ „Понятіе Тао“.

„Всякая вещь носить на себѣ инъ и заключаетъ въ себѣ янъ“.

Понятія инъ и янъ присущи не только ученію Лао-Си, но и всей философіи Китая. Въ наиболѣе общемъ своемъ значеніи инъ и янъ есть двѣ противоположныхъ силы, выдѣляемыя единымъ космическимъ цѣлымъ—природой, какъ данностью. Какъ уже было отмѣчено, у китайцевъ нѣтъ представлениія о началѣ міра, какъ актѣ творческаго процесса со стороны нѣкоего Творца: поэтому, по свидѣтельству архим. Хрисанѣа, переводъ первой главы книги Бытія на китайскій языкъ невозможенъ. Сила янъ есть сила активная или мужская, инъ—пассивная или женская. Первичной, изначальной реализацией или воплощеніемъ силы янъ, по китайскому воззрѣнію, явилось небо, силы инъ—земля. Дальнѣйшія воплощенія этихъ двухъ силъ безконечно разнообразны. Отсюда—утверженіе Лао-Си: „всякая вещь носить въ себѣ инъ и заключаетъ янъ“. См. замѣчанія объ этомъ у Вл. Соловьева, т. VI, стр. 103. Въ системѣ воззрѣній Лао-Си, по свидѣтельству изслѣдователя (Д. П. Конисси. Философія Лаоси, XXIII, 377—8), ученіе обѣ янъ и инъ занимаетъ слѣдующее мѣсто: „Первоначальное вещество или матерія, находилось въ хаотическомъ состояніи. (Гл. XXV. „Вещество произошло изъ хаоса“). Эта хаотическая масса, по мнѣнію Лао-Си, заключала въ себѣ двѣ противоположныхъ силы: „инъ“ и „янъ“. Посредствомъ этихъ двухъ силъ вся хаотическая масса была приведена въ движение, во время которого легкое поднялось на верхъ, а тяжелое погрузилось внизъ (гл. XXVI). Благодаря этому движенію, хаотическая масса матеріи

пришла въ порядокъ. Достигшая порядка матерія и есть вселенная со всей ея сложностью и разнообразиемъ (гл. XXXIX). Такой сложный процессъ происхожденія дѣйствительности не могъ совершиться самъ собой. Творцомъ всего этого Лао-Си признаетъ Тао“.

Въ ученихъ даосовъ силы „инъ“ и „янъ“ подчинены началу „д'э“ (достоинство): „Что такое д'э? То, что получено небомъ и землею, то, изъ чего получаются силы инъ и янъ“. (Васильевъ, 82). Ученіе о „инъ“ и „янъ“ имѣетъ нѣкоторый параллелизмъ съ буддійскимъ ученіемъ о трехъ ян'ахъ.

Глава L. „Жизнь имѣетъ 13 ступеней своего развитія...“ (а также къ 2-мъ слѣдующимъ афоризмамъ). Объясненіе Д. П. Конисси: „13—это символическое число. Оно, по словамъ толкователя Лао-Си Хану—Гёку—Сенъ, взято изъ области астрономіи. Луна послѣ своего появленія черезъ 13 дней достигаетъ своей полноты; послѣ полнолуния черезъ 13 дней она совсѣмъ исчезаетъ. Приводя это число дней, Лао-Си, очевидно, хотѣлъ указать на то, что всякое существо развивается до известной границы, и когда оно достигнетъ полноты развитія, то начинаетъ ослабѣвать и, наконецъ, совсѣмъ уничтожается“. Сравн., напр., предпослѣдній афоризмъ XXX-ой главы.

Глава LVII. „Когда въ странѣ нѣтъ (еще) беспорядка, (тогда) слѣдуетъ имъ овладѣть“.—По объясненію переводчика, заключительная часть афоризма по смыслу значитъ: „принять мѣры къ его предотвращенію“.

„Когда въ государствѣ... число преступниковъ увеличивается“.—Букв. воровъ.

Глава LIX. „Мать вселенной... глубокий корень и крѣп-
кое основаніе.“.—Букв.: оно.

Глава LXI. „Совокупленіе вселенной есть начало всего
мира“. Букв.: самка.

Глава LXII. „Выбираютъ царя... они разъѣзжаютъ въ ко-
лесницахъ“.—Букв. „на четверномъ экипажѣ“.

Глава LXIX. „Не сдѣлавъ ни шага...“—У Лао-Си:
вершила.
